

СЛОВО ИСТИНЫ

Двухнедѣльный журналъ баптистовъ, посвященный обновленію жизни
на Евангельскихъ основахъ.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ:

МОСКВА, Покровка, Дегтярный. пер. 8, кв. 143.

Телефонъ 4-44-72.

Пріемъ въ редакціи ежедневно отъ 11 до 2 ч.

№ 4.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ 1 мая до конца года . . . 6 р.
За 4 мѣсяца . . . 3 р.
За границу вдвое
Перемѣна адреса . . . 30 к
Объявленія по соглашенію.

СОДЕРЖАНІЕ:

М. Александровъ: Законы жизни.—*І. Брехничевъ:* Будетъ пиръ.—*Арвидъ:* Современ. союзы, федерации и всевозможныя соединенія съ христіанск. точки зрѣнія.—*П. Николаевъ:* Стихотвореніе.—*Н. А. Лопухинъ:* Въ вѣрѣ ли вы?—*Ф. П. Балихинъ:* О единствѣ вѣрующихъ.—*А. Владиміровъ:* Я приду.—*Тимо:* Горе обезьянопоклонника.—*И. В. Каріель:* Грѣхъ, какъ зло всѣхъ золъ въ этомъ мірѣ.—*М. Д. Тимошенко:* Въ Нарымскій край.—*По Россіи:* Неотложная задача.—*П. В. Павловъ и М. Д. Тимошенко:* Ко всѣмъ вѣрующимъ юношамъ Россіи.

Законы жизни.

Если бы люди могли на горе близняго своего взглянуть, какъ на свое будущее горе, могущее посѣтить ихъ въ свою очередь, то на землѣ жило бы много легче. Вѣдь, сколько ни говорится красивыхъ словъ и пышныхъ фразъ объ альтруизмѣ, любви, всеобщемъ братствѣ и т. п. хорошихъ вещахъ, все же мѣриломъ добра и зла для большинства человѣчества все еще остается его собственное Я. Человѣкъ только то горе и только ту радость чувствуетъ въ полной мѣрѣ, которая касаются его самого. Это — законъ природы, осуждающій, такимъ образомъ, человѣчество на рабство своему — Я. Вѣрнѣе было бы назвать его закономъ эгоизма, управляющаго міромъ. Но, такъ или иначе, а подавляющее большинство, $\frac{9}{10}$ всего горя и всей скорби человѣческой, проистекаютъ изъ этого закона — рабскаго служенія человѣка своему Я.

И если бы, даже, люди могли сдвинуть себя, въ своемъ представленіи и сознаніи, съ того „перваго мѣста“, на которое ставятъ ихъ собственный эгоизмъ, то и тогда это рабство не прекратилось бы. Оно измѣнило бы только свою форму. Вмѣсто своего — Я, люди ставятъ, въ такихъ случаяхъ, что либо другое, чаще всего — „его“, т. е. другого человѣка, или семью, родину, или, даже, все человѣчество и этимъ только нѣсколько расширяютъ рамки своего рабства, не освобождаясь отъ него вовсе, потому что все это представляетъ

собою, до нѣкоторой степени, продолженіе того же самаго — Я и замѣна эта влечетъ за собой лишь появленіе новаго закона, закона *человѣчности*. Этотъ новый законъ, безусловно, стоитъ несравненно выше жесткаго закона эгоизма, но, все же, не имъ можетъ быть преобразованъ міръ. Міръ же долженъ быть преобразованъ и жизнь въ немъ должна быть построена на новыхъ началахъ. Все дѣло лишь въ томъ, чтобы найти ту силу, которая смогла бы это выполнить. Еще Архимедъ говорилъ, что смогъ бы перевернуть весь міръ, если бы ему дали точку опоры для изобрѣтеннаго имъ рычага. Для преобразованія міра также необходима точка опоры, но ея не можетъ быть ничто „человѣческое“, такъ какъ исторія ясно говоритъ намъ, что всѣ попытки преобразованія міра и переустройства жизни на основѣ человѣческихъ силъ и отношеній не достигаютъ цѣли и ведутъ лишь къ усиленію рабства и тяжести жизни. Слѣдовательно источникъ преобразованія міра и обновленія жизни долженъ лежать совсѣмъ въ иной плоскости, внѣ сферы „человѣческаго“, внѣ эгоистическаго круга зрѣнія.

Лишь поставивъ на мѣсто несовершенныхъ — закона природы и закона человѣчности — высшій законъ „божественной справедливости и божественнаго милосердія“, мы сможемъ найти ту точку опоры, которая необходима для преобразованія міра. Эта точка — Голгофа.

На ней этотъ божественный законъ нашелъ свое высшее примѣненіе и на ней же находится источникъ обновленія жизни, потому что на ней проявилась та сила, которая преобразуетъ міръ. Эта сила — Любовь. Но любовь не человѣческая, Любовь выше человѣческой, Любовь Бога-Творца къ своему творенію, созданному Имъ по образу и подобию Своему. Пусть это твореніе потомъ пало и въ паденіи своимъ исказило божественный образъ, такъ что и подобія не осталось, но Любовь Божія не прекратилась.

Она здѣсь то и проявилась въ полной мѣрѣ. Самъ Богъ, въ лицѣ Сына Своего, сошелъ на землю для искупленія человѣчества и на Голгофскомъ Крестѣ, въ страданіяхъ, Кровью Своей купилъ людямъ право вновь „называться и быть

дѣтьми Божьими“. Въ этомъ и кроется источникъ обновленія жизни и преобразованія міра, потому что „всякій, вѣрующій, что Иисусъ есть Христосъ, отъ Бога рожденъ“ (1 Іоан. 5, 1). А рожденіе отъ Бога есть второе рожденіе, когда все старое умираетъ и погребается, а возстаетъ „новая тварь во Христѣ Иисусѣ“. Новый же человѣкъ и живетъ по новому, потому что „старое прошло, а теперь все новое“. И обновленіе человѣчества, государства, общества, семьи необходимо начинается съ обновленія отдѣльных личностей, составляющихъ эту семью, общество, государство или все человѣчество.

Таковъ ходъ обновленія жизни. А возрожденное человѣчество преобразуетъ и весь міръ, такъ какъ „вся тварь съ надеждой ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ,—потому что тварь покорилась суетѣ не добровольно, но по волѣ покорившаго ее, въ надеждѣ, что и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ“. (Рим. 8-11-21).

И, несмотря на то, что вышеуказанные законы древни, какъ сама жизнь, все же снова и снова приходится повторять ихъ, когда со всѣхъ сторонъ несутся печальныя и тревожныя вѣсти о разлагающемъ дѣйствіи, вокругъ насъ и въ насъ, животнаго самолюбія, гнусной подлости и дикаго братоубійства.

Мих. Александровъ.

Будетъ пиръ.

*Будетъ пиръ. Но прежде
Одного ищите:*

*Царство Божьей Правды,
Имъ однимъ горите.*

За него боритесь,

Лишь его желайте,

Чтобъ расцвѣсть съ землею,

Вмѣстѣ съ ней страдайте.

Жизни не щадите,

Болью всѣхъ болѣйте,

Чтобъ пожать Любовью,

Правдою засѣйте.

Будетъ пиръ. Но прежде

Одного ищите:

Царства Божьей Правды,

Имъ однимъ горите.

Іона Брихничевъ.

Современные союзы, федераціи и всевозможныя иныя соединенія съ христіанской точки зрѣнія.

Переживаемое нынѣ Россіей время несомнѣнно особое время. Исторія не знаетъ подобнаго времени. Правда, неоднократно пытались сравнить только что совершившуюся Великую Русскую Революцію съ Великой Французской. Но нельзя не замѣтить, что послѣдняя далеко рознится отъ первой по самому существу. Въ то время, какъ Французская революція была чисто буржуазной, т. е. содѣланной исключительно среднимъ сословіемъ,

съ самымъ пассивнымъ участіемъ пролетаріата, Русская революція 1917 г.—всепѣло народная по своему началу, въ дѣйствительности оказалась пролетарской или даже отчасти соціальной. Соответственно съ этимъ отличаются и результаты обѣихъ революцій: въ то время, какъ первая изъ нихъ добила исключительнаго улучшенія жизненныхъ условій для средняго сословія, вторая достигла этого для третьяго или низшаго сословія. Для того же, чтобы низшему сословію одержать верхъ надъ высшимъ, ему надо было сорганизоваться и соединиться.

И въ результатѣ—небывалый и невиданный еще доселѣ ростъ всевозможныхъ союзовъ и соединеній пролетаріата.

Но наряду со всеобщимъ соединеніемъ труда, мы наблюдаемъ нынѣ и неизмѣнное умноженіе всевозможныхъ иныхъ соединеній и объединеній. При поверхностномъ взглядѣ, брошенномъ вокругъ, можетъ легко показаться, что мы нынѣ дѣйствительно съ соединеннымъ капиталомъ, соединеннымъ трудомъ, соединяющейся интеллигенціей, соединяющимися церквами и другими всевозможными соединеніями и объединеніями накануне осуществленія идеальной общественности, если только вообще соединеніе—вѣрное средство для этого.

Однако, присматриваясь нѣсколько внимательнѣе къ причинамъ, вызвавшимъ всевозможныя современныя соединенія, нельзя не сознаться въ ошибочности своего первоначальнаго вывода. Вѣдь, въ сущности говоря, всѣ образовавшіеся и образующіеся еще соединенія и союзы, существуютъ лишь для того, чтобы объединенно въ своихъ нѣкоторыхъ общихъ интересахъ, противостоять другой группѣ соединившихся, общихъ своими противоположными интересами. Изъ боязни еще большихъ эксплуатацій труда капиталистами, пролетаріатъ соединяется въ профессиональные союзы и, изъ боязни еще большихъ требованій пролетаріата, соединяется, въ свою очередь, капиталъ. — Такимъ образомъ, одинъ союзъ рождаетъ другой противоположный себѣ и въ результатѣ получается рядъ взаимно-противоположныхъ соединеній.

Если бы человѣческое общество дѣйствительно было проникнуто мыслью о всеобщемъ единствѣ и соединеніи въ единую братскую семью, то не было бы ни причинъ, ни повода къ образованію столькихъ взаимно-противоположныхъ союзовъ и федерацій. Вѣдь все, или, по крайней мѣрѣ, почти все, что достигается и на что надѣются современные союзы, дается имъ не иначе, какъ массовой организацией и направленіемъ уже организованныхъ массъ въ борьбу съ другими, противоположными имъ союзами. Борьба же одной группы организованныхъ для борьбы массъ, съ другой—ни что иное, какъ война, безразлично отъ того, кровава она или безкровна.

Классовая или иная какая либо борьба, соединенныхъ для борьбы индивидуумовъ, точно также, какъ и война, возбуждаетъ въ своихъ участникахъ одно изъ низменнѣйшихъ человѣческихъ чувствъ, ненависть. Ненависть же діаметрально противоположна любви. И тогда какъ любовь приводитъ къ единенію, ненависть отдаляетъ отъ него.

„Кто говоритъ, что онъ во свѣтѣ, а ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ“—пишетъ любимый ученикъ Иисуса *).

*) 1. Іоан. 2, 9.

Такимъ образомъ, если какой либо союзъ, провозглашающій въ своемъ лозунгѣ братство и единство всего человѣчества, ставитъ своей задачей борьбу съ противоположными ему организаціями, то онъ лишь говоритъ о свѣтѣ, на самомъ же дѣлѣ—блуждаетъ во тьмѣ. Болѣе того—онъ дѣлаетъ то, что принято сейчасъ клеймить словомъ провокація: онъ выдаетъ себя за другого, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ есть. Поэтому и клеймить подобныхъ органовъ и отдѣльныхъ личностей Евангеліе, говоря: „Кто говоритъ „я люблю Бога“, а брата своего не навидитъ—тотъ лжецъ“. Нельзя любить Бога, ненавидя своего брата и нельзя въ дѣйствительности быть проникнутымъ высшей, божественной идеей (а идея о всеобщемъ единствѣ человѣчества, есть именно такая идея) и въ то же время питать недоброе чувство къ своему ближнему. Возможно только: или одно, или другое; или поступиться высшей идеей, или отказаться отъ группового недоброжелательства.

Между тѣмъ, современные союзы и классовыя организаціи въ большинствѣ случаевъ только и создались, благодаря существующей ненависти между различными группами общества и, естественно поэтому, отказаться отъ нея не могутъ. „Всякій же ненавидящій брата своего—есть человѣкоубійца“,—говоритъ уже упомянутый выше евангелистъ. Христосъ же учитъ: „любите и враговъ вашихъ“.

Помимо этого, современные соединенія, союзы и федераціи *растворяютъ въ человѣкѣ и его индивидуальность*. Теряясь среди массы своего союза или соединенія, личность мнитъ себя почти безответственной за собственныя дѣйствія: въ ней убивается чувство индивидуальной ответственности, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ людьми вообще. Люди, которые, какъ отдѣльныя лица, никогда бы не унизились до какого либо нечестнаго поступка, соединившись въ кооперативный или иной какой либо союзъ, часто участвуютъ въ такихъ дѣловыхъ несправедливостяхъ, на которыя, какъ индивидуумы, они бы никогда не пошли. Люди, будто, чувствуютъ, что ответственность за всѣ проступки и несправедливости, совершенныя большими организованными союзами, до того измельчается пропорціонально числу его членовъ, что на каждое отдѣльное лицо приходится до того незначительная доля, что съ ней можно почти не считаться.

Но не таковъ взглядъ на ответственность каждаго индивидуума съ христіанской точки зрѣнія.

Библия считается только съ отдѣльной душой, но никакъ не съ группами душъ. Ответственность личности, при участіи въ какомъ либо проступкѣ совершенномъ цѣлой группой съ евангельской точки зрѣнія нисколько не уменьшается. Наоборотъ, каждая отдѣльная сознательная личность ответственна не только за собственное участіе въ совершенномъ проступкѣ, но и за непредотвращеніи его путями воздѣйствія на своихъ ближнихъ.

Такимъ образомъ, современные многочисленныя групповыя соединенія, союзы, федераціи и кооперативныя организаціи и пр. и пр., составляющія, какъ принято думать, этапныя ступени къ соединенію всего человѣчества въ единую семью, на самомъ дѣлѣ приводятъ человѣчество лишь къ еще большему раздѣленію на крупныя, взаимно-противоположныя группы. Общія личности безответственности, онѣ лишь усугубляютъ ее, лишая при этомъ ее еще и ея индивидуальной свободы.

Древне-еврейскій пророкъ Исаія, пророчествуя о возлагаемой людьми большой надежды на союзы и соединенію, пишетъ м. пр.: „если бы вы даже сказали, мы заключили союзъ со смертью и съ преисподнею сдѣлали договоръ—все же союзъ вашъ рушится и договоръ вашъ не устоитъ“ Ис. 28, 15, 18.

Для того же, чтобъ было на что надѣяться Израилю, „посему такъ говоритъ Господь Богъ; вотъ Я полагаю въ основаніе на Сіонѣ камень; камень испытанный, краеугольный, драгоценный крѣпко утвержденный; вѣрующій въ него не постыдится“. Ис. 28, 16. Камень же сей—Христосъ. I Петр. 2, 4-8.

Арвидъ.

— Золотые сны. —

* * *

*Ширь необъятная... Бурныя катятся воды...
Бездны рокоцуютъ... За валомъ торопится валъ...
Бѣлая чайка въ лучахъ безпредѣльной свободы.
Мачты разбитыя... Въ даль убѣгающій шквалъ.
Бурная прелесть разгнѣванно-бурной природы,
Зовъ тишины сквозь объятые грохотомъ годы,—
Ахъ, не тебя-ль, о мечта, я во снѣ цѣловалъ!..
Сны воплощаются въ явь, золотую, какъ сказка,—
Даль омраченная дастъ ослѣпительный день,
„Мамъ“ еще разъ прогремитъ орудійная пляска,
Въ бездну кровавую страшная ввергнется тѣнь.
Въ часъ же любви зачаруетъ насъ нѣжная ласка,
Вѣчное братство и миръ зацвѣтутъ, какъ сирень
Хочется вѣрить мнѣ радостямъ сна золотого!
Въ грозныхъ окопахъ послѣдняя борется рать...
Бѣлая чайка—прекрасное „Истины Слово“,
Что ты мнѣ скажешь? Пошлешь ли „туда“ умирать?..
Милая чайка!.. О, милая нѣжная мать!..*

П. Николаевъ.

✓ Въ вѣрѣ ли вы?

„Если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть Царствія Божія“. „Рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ духа есть духъ“. (Іоан. 3, 3, 6). „Если же кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его“ (Римл. 8, 9). „Не всякій говорящій мнѣ: „Господи, Господи!“ войдетъ въ царство Небесное, но исполняющій волю Отца Моего Небеснаго“ (Матѣ. 7, 21).

А воля Отца Небеснаго есть-любовь отъ чистаго сердца. Кто говоритъ: „Я позналъ Его“, но заповѣдей Его не соблюдаетъ, тотъ лжецъ, и нѣтъ въ немъ истины. Кто говоритъ, что пребываетъ въ Немъ, тотъ долженъ поступать такъ, какъ Онъ поступалъ. Кто любитъ брата своего, тотъ пребываетъ во свѣтѣ, и нѣтъ въ немъ соблазна. Будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога, и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь. Всякій вѣрующій, что Иисусъ есть Христосъ,—отъ Бога рожденъ, и всякій любящій родившаго, любитъ и рожденного отъ Него,—т. е.

брата по вѣрѣ и духу. Что мы любимъ дѣтей Божіихъ, узнаемъ изъ того, когда любимъ Бога и соблюдаемъ заповѣди Его. Ибо это есть любовь къ Богу, чтобы мы соблюдали заповѣди Его. А заповѣди Его въ одномъ словѣ заключаются: „Люби ближняго твоего, какъ самого себя“. Господь Іисусъ Христосъ Свое ученіе начинаетъ и кончаетъ словомъ „Люби“.

Безъ любви истинной, живой, сердечной, милосердствующей, всему сочувствующей, все покрывающей, исключаяющей изъ сердца гордость, высокомеріе, всякое превозношеніе,—нѣтъ вѣры, а только одинъ самообманъ, одно пустое самообольщеніе.

Если не имѣю любви, той любви, которой добивался ап. Іоаннъ, и о которой писалъ Коринѣянамъ ап. Павелъ,—если я этой любви не имѣю, то я ничто, и нѣтъ мнѣ ни въ чемъ никакой пользы. (Кор. гл. 13).

И рѣчи даръ прекрасный
И попроще крови,
И подвигъ вѣры властной,—
Все—мусоръ безъ любви.

Довольно театральщины! Довольно показной мишуры. Меньше словъ! Меньше красивыхъ рѣчей! Больше любви! Больше милосердія и сострадательности! Вѣдь христіанство не комедія, и церковь Христова не театральные подмостки. Христіанство есть подвигъ. Христіанство—это внутренняя работа души, въ Духѣ Святомъ, надъ самимъ собою, надъ окружающимъ зломъ и нещетою.

Безъ подвижничества, безъ самопожертвованія, безъ самоуничженія—христіанства нѣтъ и не можетъ быть. Да не обманываетъ себя человѣкъ и не думаетъ о себѣ каждый слишкомъ много. Не будемъ смотрѣть только за другими и отыскивать чужіе недостатки и ошибки. Кто осуждаетъ другого и тѣмъ болѣе—заочно, осуждаетъ самъ себя. Кто смотритъ за другимъ, не оглядываясь на себя, тотъ не достигнетъ совершенства.

Наше совершенство въ смиренномудріи, въ самоуниженіи, въ служеніи другимъ всѣмъ тѣмъ, что имѣемъ. Въ насъ должны быть тѣ-же чувствованія, какія и во Христѣ Іисусѣ. Будемъ носить бремена другъ друга, и такимъ только образомъ исполнимъ законъ Христовъ. Почитайте одинъ другого высшимъ себя. Не о себѣ только каждый заботься, но каждый и о другихъ. (Филип. 2, 3-5; Галат. 6, 2).

Блаженны мертвые, умеравшіе въ Господѣ; ей, говоритъ Духъ, они успокоятся отъ трудовъ своихъ, и дѣла ихъ идутъ вслѣдъ за ними;—дѣла любви, милосердія и сострадательности (Откр. 14, 13; Фил. 2, 1-5).

И такъ, испытывайте сами себя, въ вѣрѣ-ли вы? Самихъ себя испытывайте. Можетъ быть вы не то, чѣмъ должны быть (2 Кор. 13, 5).

Не разговоры Богу нужны,
Не пустая болтовня,—
Плодовъ вѣры ждетъ отъ насъ Онъ
И любовнаго огня.

Вѣра, если не имѣетъ дѣла, мертва сама по себѣ. Это та вѣра, которая не проявляетъ плодовъ Духа. Когда во плоти человѣка находится духъ, плоть имѣетъ возможность и способность двигаться и работать; когда-же духъ изъ плоти уйдетъ, то остается безжизненный трупъ, не могущій ничего дѣлать. Такъ и человѣкъ, называющій себя вѣрующимъ, но не имѣющій Духа Святаго, остается безплоднымъ. Вѣра такого человѣка остается безъ

дѣла, какъ тѣло безъ духа. Эта вѣра мертвая, безжизненная, вѣра не Божья, не та, которую проповѣдывали Христосъ и Его ученики, эта вѣра бѣсовская, даже хуже чѣмъ бѣсовская, потому что бѣсы вѣрують и трепещутъ, а человѣкъ, съ своей мертвой вѣрой, обольстилъ самъ себя, успокоился въ ложной надеждѣ и уже не трепещетъ (Іак. 2).

Кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ.

Кто имѣетъ глаза видѣть, пусть видитъ.

Богъ поругаемъ не бываетъ, что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ.

Н. А. Лопухинъ.

О единствѣ вѣрующихъ.

„И было ко мнѣ слово Господне: ты же, сынъ человѣческій, возьми себѣ одинъ жезлъ и напиши на немъ: „Іудѣ и сынамъ Израилевымъ, союзнымъ съ нимъ“; и еще возьми жезлъ и напиши на немъ: „Іосифу“; это жезлъ Ефрема и всего дома Израилева, союзаго съ нимъ. И сложи ихъ у себя одинъ съ другимъ въ одинъ жезлъ, чтобы они въ рукѣ твоей были одно. Я сдѣлаю ихъ одинъ народъ“... (Іезек. 37, 15—22).

Не должно ли этому пророчеству исполниться въ настоящее время надъ тѣми лицами и общинами, которыя проповѣдуютъ о единствѣ и продолжаютъ дѣлиться на два союза? Хорошо ли это?

Кто первый возвыситъ свой голосъ и поспѣшитъ къ исполненію этого славнаго обѣтованія Божія, подкрѣпленнаго молитвою Богочеловѣка Іисуса: „Да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино. Да увѣруетъ міръ, что Ты послалъ Меня“ (Іоан. 17, 21)?

Не служить ли дѣленіе вѣрующихъ на партіи причиною невѣрія міра, погрязшаго въ порокахъ? Какъ бы намъ не уподобится тѣмъ старообрядцамъ, которые и понынѣ продолжаютъ спорить съ православными о правильномъ сложеніи перстовъ.

Должна ли молитва вѣрующихъ расходиться съ дѣломъ; не будетъ ли это оскорбленіемъ святого Духа (Ефес. 4, 30)? Многіе молятся о хорошемъ урожаѣ хлѣба, а сами ничего не посѣяли на своемъ полѣ. Можетъ ли Богъ дать урожай при ихъ хотя и усердной, но все же безплодной молитвѣ?

Господи, сложи эти два жезла вмѣстѣ; чтобы у насъ, наконецъ, былъ одинъ народъ!

Вѣдь, время насъ не ждетъ!

Ф. П. Балихинъ.

* * *

„Я приду!“—возвѣстилъ Іисусъ...

— Ей, гряди-же скорѣй отъ Сіона:

Мертвыхъ тѣлѣ страшныхъ грузъ

Отягчаетъ земли Твоей лоно...

Меркнетъ Солнце вселенской любви

Въ тучахъ душнаго грознаго дыма...

И младенцы, и дѣти—въ крови...

Воскресишь-ли Ты ихъ, Царь Салима?

Ал. Владиміровъ.

=== Торе обезьянопоклонника. ===

(Жизненная фантазія).

Осиливъ „О происхожденіи видовъ“ Дарвина, изучивъ „О развитіи рода человѣческаго“ Гекеля, прочитавъ нѣсколько изслѣдованій Бюхнера, Фохта и другихъ восторженныхъ послѣдователей и распространителей теоріи Дарвина—юный Аполлонъ Коринфскій загорѣлся непремѣннымъ желаніемъ побывать въ Африкѣ и тамъ поклониться представителямъ рода человѣческаго—обезьянамъ.

Магометане вѣдь совершаютъ путешествіе въ Мекку, туристы—въ древній Римъ и другія историческія и достопримѣчательныя мѣста, а Аполлонъ Коринфскій рѣшилъ совершить паломничество въ Африку, къ своимъ почтеннымъ прародителямъ.

Сказано—сдѣлано!

Тѣхаль онъ поѣздомъ, на пароходѣ, на автомобилѣ, на аэропланѣ и, наконецъ, чернокожіе африканцы—эти ближайшіе родственники обезьянъ пронесли бѣлолицаго и голубоглазаго обезьянопоклонника на буковыхъ носилкахъ къ пальмовой рошѣ, мѣсту обитанія рѣзвыхъ и жизнерадостныхъ сатировъ.

Сойдя съ носилокъ, Аполлонъ Коринфскій скрылся среди стройныхъ пальмъ. Изнывая отъ африканскаго зноя, онъ прошелъ вглубь роши и вдругъ остановился въ большомъ изумленіи.

На ровной площадкѣ, окруженной вѣтвистыми деревьями, происходило торжественное собраніе обезьянъ. Обсуждался весьма важный вопросъ и всѣ были такъ увлечены рѣчью оратора, что даже не замѣтили подошедшаго Аполлона Коринфскаго.

Взволнованный при видѣ собравшихся въ такомъ большомъ количествѣ своихъ предковъ, юный паломникъ снялъ панаму и сталъ слушать въ безмолвіи.

Узконосая Шампанзе держала къ собравшемуся обществу горячую рѣчь.

— Итакъ,—говорила она,—намъ грозитъ великая опасность! На нашъ славный родъ воздвигается покушеніе. На первый взглядъ покажется, что это дѣлается доброжелательно, съ научной точки зрѣнія, но—насъ не проведенъ и мы такъ скоро не сдадимся! Не такъ ли, товарищи!—спросила она.

— Вѣрно! Не сдадимся! Браво! — зашумѣли обезьяны, дѣлая ужасныя рожи.

— Къ нашему славному роду хотятъ причислить себя и люди, эти кровожадные тираны, но мы ихъ не примемъ! Довольно ужъ и того, что нѣкоторые изъ нашихъ братьевъ и сестеръ страдаютъ въ позорномъ рабствѣ у людей, блуждая на цѣпи по ихъ вонючимъ городамъ и танцуя подъ звуки разбитой шарманки и свистъ кнута! Они хотятъ и всѣхъ насъ взять въ плѣнъ. Но мы не сдадимся! Между нами и ими находится великая пропасть и общаго у насъ нѣтъ ничего. Я уже говорила вамъ, какъ меня хитростью поймали, посадили въ клѣтку и повезли куда то. Ахъ, сколько я слезъ пролила! Сколько бессонныхъ ночей провела! Я считала себя уже погибшей и проклинала день моего рожденія. Около моей клѣтки проходило много людей, въ разныхъ костюмахъ. Они показывали мнѣ языкъ, дразнили меня и смѣялись надъ моимъ горемъ... Я волнуюсь и безъ слезъ не могу вспомнить этого ужаса... Потомъ случился страшный пожаръ. Меня едва спасли и отправили въ домъ богатаго ученаго, гдѣ и держали на цѣпи.

И вотъ, тамъ то я и услышала споръ людей о насъ. Одни говорятъ, что люди произошли отъ обезьянъ, и указываютъ на меня. Другіе не соглашаются съ этимъ. Читали они какія то книги, гдѣ часто повторялось слово „обезьяна“ и потомъ опять спорили. Мнѣ даже слушать надоѣло... Мѣсяць спустя мой ученый привезъ меня для чего то сюда и я, какъ вы знаете уже, воспользовалась удобнымъ случаемъ и удрала отъ него. Привѣтъ вамъ, родные лѣса!.. Я счастлива, что могу предупредить васъ объ опасности и мы теперь же должны выяснитъ вопросъ: принять ли намъ людей въ наше общество или же отказать имъ?

Хвостатые слушатели снова заволновались, но Шампанзе, возвысивъ голосъ, продолжала:

— Итакъ, мы перейдемъ къ сущности вопроса можемъ ли мы согласиться съ тѣмъ, что отъ нашего славнаго рода произошли люди? Какое между нами сходство? Люди говорятъ, что яичко, изъ котораго рождается человѣкъ точно такое же, какъ и яичко обезьяны. Но это не такъ. Я видѣла рожденнаго человѣка, который кричалъ во все горло, а наши милыя обезьянушки родятся нѣмыми. Люди гордятся тѣмъ, что среди нихъ рождаются великіе мужи, называютъ имена какихъ то тамъ Наполеона, Александра Великаго, Гоголя, Толстого. Но мы лучше ихъ всѣхъ, ибо наши самки не бросаютъ своихъ дѣтенышей на произволъ судьбы, какъ это часто дѣлаютъ люди...

— Позоръ! Позоръ!—зашумѣли матери-обезьяны, прижимая къ себѣ своихъ малышей.

— Что съ того, что наши руки похожи на руки человѣка,—продолжала Шампанзе,—мы умѣемъ лазить по деревьямъ, перебираться черезъ пропасти, а люди могутъ только ходить по землѣ. И это сходство еще не доказываетъ, что люди—наши потомки. У волка кишки такіе же, какъ и у человѣка, и почему бы ужъ ему не считать волка своимъ прародителемъ?! Вѣдь у людей и пословица существуетъ: „Человѣкъ—человѣку—волкъ!“ А что мы, подобно людямъ, любимъ кофе и чай (это такой напитокъ есть у людей: я пила), то что же это за доказательство! Мухи тоже любятъ ихъ сахаръ, и пусть они лучше припишутся къ мухамъ!..

— Ха, ха, ха!—засмѣялись обезьяны такъ, что Аполлону Коринфскому стало жутко.

— Коренные зубы у насъ совсѣмъ иные, чѣмъ у людей,—поучала дальше обезьяна.—И мозгъ нашъ разнится во внѣшней формѣ отъ ихнего. А что мы и люди подвержены болѣзнямъ, то здѣсь виновны свойства земли и однородность, такъ называемыхъ, гистологическихъ тканей. Но вѣдь и воробьи болѣютъ и почему бы имъ не породниться съ людьми? Мы должны помнить, что каждое существо находится на своемъ мѣстѣ и считается совершеннымъ въ своей области. Не правы люди, которые говорятъ: „въ природѣ—существа постепенно одно другого совершеннѣе.“ Не совершеннѣе, а всѣ одинаково совершенны, начиная отъ малыхъ букашекъ и кончая нашимъ сосѣдомъ—слономъ. Окаменѣлости земли не доказываютъ происхожденія человѣка отъ обезьяны. Въ слояхъ земли находили существа, отвѣчающія тогдашнему устройству земного шара, а не то, чтобы съ каждымъ разомъ онѣ были совершеннѣе... Если же нѣкоторые люди по виду похожи на слона, волка,

лису, вола и даже обезьяну, то мы здѣсь не виновны! Мы всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ оставались и остаемся обезьянами. Люди могутъ подражать, кому хотятъ, но мы нашему роду не измѣнимъ! Нѣтъ! У насъ нѣтъ подлости человѣческой и ихъ самоубійствъ! И если правда, что скорпіоны въ случаѣ мучительной болѣзни сами себя умервщляютъ, то не отъ скорпіоновъ ли происходятъ непомнящіе родства человѣки?! Вѣдь люди тоже прибѣгаютъ къ самоубійствамъ!.. Единственного подбора видовъ не существуетъ вовсе. И правъ одинъ ученый человѣкъ, который выразился, что произвести человека отъ обезьяны можетъ только сила сверхъестественная. Такова между нами разница. Да и кто изъ васъ согласится изъ сатира превратиться въ худосочнаго человѣка?! Мы живемъ настоящимъ днемъ и никакія заботы не печалятъ нашъ духъ, ибо намъ немного надо. Во всякомъ случаѣ, мы не станемъ убивать животныхъ, чтобы превратиться въ труподовъ, какъ это дѣлаютъ люди. Если же и есть у насъ нѣкоторое сходство съ человѣкомъ, то это еще не можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы насъ оскорбляли, считая людей нашими братьями и сестрами. Вѣдь, если одна изъ нашихъ сестеръ и похожа на бѣлку, то это еще не значитъ, что бѣлки происходятъ отъ обезьянъ... Однимъ словомъ, эту попытку людей породниться съ нами мы объявимъ пустословіемъ и не посрамимъ рода нашего!...

Подъ шумныя одобренія всей аудиторіи Шампанзе соскочила съ кафедры—вѣтки и ее мѣсто занялъ важный Понгогорилла, который протянулъ лохматую руку, чтобы водворить порядокъ и заговорилъ:

— Предыдущій ораторъ извоилъ выразиться „мы живемъ настоящимъ днемъ“ и эту мысль я хотѣлъ бы продолжить и развить передъ почтеннымъ собраніемъ, касаясь духовнаго отличія человека отъ обезьяны вообще. Надѣюсь, вы разрѣшите мнѣ это, ибо вамъ извѣстно, что я тоже имѣлъ несчастье два года провести въ плѣну у людей?!

— Просимъ, просимъ,—раздались голоса.

— Въ самомъ дѣлѣ,—продолжалъ ораторъ,—какъ мы живемъ? Прошедшаго и будущаго нѣтъ у насъ и въ этомъ наше счастье. Воспоминанія прошедшаго рождаютъ въ душѣ человѣка радость или печаль, угрызенія совѣсти или же чувство удовлетворенія. Мы, обезьяны, не помнимъ прошедшаго и это хорошо. Намъ неприходится возгнаться съ тѣмъ, что уже кануло въ вѣчность и не нужно забивать себѣ голову пустяками. Съѣвъ зернышко, мы выбрасываемъ скорлупу. А прошлое—это скорлупа. Будущее тоже не беспокоитъ насъ. Человѣкъ же полонъ всевозможныхъ желаній, предположеній, плановъ и надеждъ. Эти волненія чужды нашему духу и поэтому мы можемъ весело встрѣчать восходъ солнца и, если сыты, радостно провожать его. Сегодняшній день—нашъ день! И намъ незачѣмъ портить себѣ нервы и кровь, какъ это дѣлаютъ люди. Конечно, люди гордятся тѣмъ, что могутъ пользоваться трудами и изобрѣтеніями своихъ предковъ, и заботятся о томъ, чтобы накопленное богатство ихъ перешло и потомству. Но что пользы имъ отъ этого, если они не знаютъ, кто былъ ихъ прародитель, хотя и знаютъ прошлое, и пристають къ намъ! Намъ извѣстно, что изъ всѣхъ существъ только одни люди занимаются богопочитаніемъ. Но сколько у нихъ изъ за этого бываютъ споровъ, дѣленій, преслѣдованій и кровопролитій! Подумать страшно! И мы, обезьяны, лучше поступаемъ ни-

чему не поклоняясь, но и никого не преслѣдуя. Не правда ли! А то люди хвалятся тѣмъ, что имѣютъ свободу дѣйствій и совѣсти. Пусть эти чувства не знакомы намъ, но люди то, люди, развѣ они хранятъ эти качества въ себѣ?! Развѣ совѣсть они не повѣсили давно уже на столбѣ тщеславныхъ и своекорыстныхъ вождельнѣй, а свободу развѣ они не промѣняли на рабство порокамъ и страстямъ?! Лучше ужъ ничего не имѣть, чѣмъ что-либо хорошее мѣнять на худшее.

— Вѣрно! Bravo!—волновалось собраніе.

— Творческаго разума нѣтъ у насъ, пусть будетъ такъ,—отчеканивалъ Понгогорилла.—Мы обладаемъ инстинктомъ самосохраненія: разумъ нашъ ограниченъ, неподвиженъ, неизобрѣтателенъ, согласенъ! Но мы живемъ прекрасно, не отдаемъ наши кровныя средства на оружія войны, не имѣемъ „вооруженнаго мира“, не ведемъ ужаснѣйшихъ войнъ. У людей есть пословица „обезьяна думаетъ, чтобы ѣсть, а человѣкъ, чтобы мыслить“. Пусть—такъ, но мы никого не истребляемъ, мы не лицеѣримъ и подъ плащемъ добродѣтели не прячемъ коварныхъ замысловъ. Мы непрогрессивны, но мы и не преступны. Мы не ищемъ лучшаго, какъ это дѣлаетъ человѣкъ, но мы и не враждуемъ и не стираемъ съ лица земли никого. Люди же уничтожаютъ цѣлыя племена своихъ братьевъ, какъ это случилось съ африканскими племенами, и все для того, чтобы имъ было лучше, просторнѣе. Выспимъ качествомъ духа люди считаютъ освященіе своей личности, которое ведетъ ихъ къ перенесенію скорбей и страданій, къ жертвамъ и самопожертвованію. Высокое качество, безусловно, но вопросъ: кто же людей заставляетъ страдать? неужели мы, обезьяны?! Нѣтъ! Очевидно, сами люди мучаютъ себѣ подобныхъ. Они, захватывая насъ, обезьянъ, одѣваютъ насъ цѣпи и сажаютъ насъ въ клѣтки. Но то же самое они дѣлаютъ и со своими братьями. Ихъ тюрьмы переполнены. И что съ того, если нѣкоторые изъ нихъ страдаютъ, когда другіе, въ большинствѣ, стремятся къ господству и власти, употребляя насилие. Мы неспособны на возвышенныя подвиги, но мы и не можемъ терпѣть въ нашей средѣ подобныхъ тирановъ! Пусть наша рѣчь будетъ только сигнальнымъ звукомъ, крикомъ безъ мысли! Мы немного знаемъ словъ,—но мы и не занимаемся клеветой, сплетнями и пустословіемъ. У насъ нѣтъ лукавыхъ дипломатовъ, двуязычныхъ учителей и лицеѣрныхъ увѣщателей. Слово человѣка называютъ „мыслью вслухъ“, но они очень часто говорятъ не то, что мыслятъ и завели у себя „хорошій тонъ“, чтобы лгать и скрывать свои мысли. Понятіе о добрѣ и злѣ у людей очень растяжимо и противорѣчиво. Многіе изъ людей похожи на крокодила, который подстерегаетъ насъ на водоѣ. Такъ бываютъ они жадны къ наживѣ! Поэтому лучше остерегаться ихъ, чѣмъ довѣряться имъ! Человѣкъ любитъ властвовать и это преступное стремленіе у него не можетъ быть отъ обезьяны, полной миролюбія! Нѣтъ, мы не могли произвести на свѣтъ подобныхъ существъ! Люди предоставляютъ изъ себя нѣчто другое, чѣмъ міръ матеріальный и животный, который законченъ въ своемъ твореніи. Человѣкъ обладаетъ безпокойнымъ духомъ; онъ стремится впередъ, возвышается до небесъ, вѣритъ въ свое божественное происхожденіе. И странно, что люди съ своихъ высотъ обратились къ намъ, какъ къ своимъ прародителямъ! Здѣсь кроется что то лукавое и для насъ опасное. Видно, имъ не сладко живется. Ужъ не хотятъ ли они завладѣть нашими рощами и прогнать насъ въ пустыни!... И послѣ всего ска-

заннаго, найдется ли хоть одинъ изъ сатировъ, который пожелалъ бы принять человѣка въ нашъ славный родъ и признать его частью нашего племени? Можемъ ли мы быть предками этихъ существъ? Кто согласится съ этимъ?..

Но здѣсь волненіе собранія достигло необычайной высоты и всѣ обезьяны закричали:

— Долой человѣка!.. Не желаемъ блѣднолицыхъ! Мы не предки имъ! Долой!!!

Аполлонъ Коринфскій весь дрожалъ отъ страха и волненія. Эти рѣчи жгли его душу раскаленнымъ желѣзомъ и замораживали ледянымъ дыханіемъ. Онъ чувствовалъ, что рушится вся его духовная постройка, разсыпается вся теорія. Его удивила и больно ужалила ненависть обезьянъ, не пожелавшихъ имѣть чести быть прародителями рода человѣческаго...

Пораженный такими неистовыми возгласами обезьянъ, онъ забылъ объ опасности, бросился на середину площадки и, размахивая панамой, закричалъ:

— Обезьяны, обезьяны, послушайте меня!

Но все общество мгновенно забралось на верхушки пальмъ и отъ туда съ удивленіемъ и испугомъ смотрѣло на блѣднолицаго паломника.

Аполлонъ Коринфскій осмотрѣлся кругомъ и, не найдя никого, развелъ руками.

— Что же я теперь буду дѣлать съ великимъ Дарвиномъ, Гекелемъ, Бюхнеромъ, Фохтомъ и другими учителями?!

Отъ огорченія онъ хотѣлъ заплакать и... проснулся.

Тимо.

Грѣхъ, какъ зло всѣхъ золъ въ этомъ мірѣ.

И. В. КАРГЕЛЯ.

II.

Грѣхъ есть смертельная духовная болѣзнь.

Безусловно, непростой частью рѣчи или только красивой фразой были слова Господа, когда на обвиненіе фарисеевъ, что Онъ ѣстъ съ мытарями и грѣшниками, Христосъ возразилъ хорошо извѣстнымъ и такъ понравившимся намъ изреченіемъ, сказавъ: „Не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные“ (Матѣ. 9, 12). Онъ опредѣленно высказался здѣсь объ этихъ грѣшникахъ, какъ о дѣйствительныхъ, а невоображаемыхъ лишь больныхъ, равно какъ и о Себѣ, Спасителѣ грѣшниковъ, Онъ выразился, какъ о дѣйствительномъ, а не инакопонимаемомъ Врачѣ; только болѣзнь тутъ, равно какъ и Его дѣятельность Врача, относятся не къ плотской, но къ духовной области. Что Господь считалъ грѣхъ дѣйствительной духовною болѣзнію, а Себя—Врачемъ подверженныхъ таковой, видно также и изъ слѣдующаго стиха, гдѣ Онъ фарисеямъ предлагаетъ пойти и научиться, что значить: „милости хочу, а не жертвы“ (ст. 13). Если бы Онъ направилъ Свой взоръ лишь на одну сторону грѣха, какъ это мы видѣли въ первой главѣ, если бы Онъ видѣлъ въ немъ только возмущеніе и вражду противъ Бога, какъ отъ Него и ожидали фарисеи и, какъ они на грѣхъ смотрѣли сами, когда дѣло касалось грѣховъ другихъ людей, то, чтобы Богъ не остался въ обидѣ, послѣдствіемъ этого должно было бы явиться откровеніе справедливаго гнѣва Господня и отвращеніе Его Самаго отъ мытарей и грѣшниковъ, или же принесеніе достойной ихъ грѣховъ жертвы, могущей искупить ихъ, и таковой непременно должна быть смерть, ибо вражда и противленіе требуютъ или первое или второе, какъ мы и видѣли прежде. Но, слава Богу, Онъ узрѣлъ и другую сторону, Онъ смотрѣлъ на грѣхъ, какъ на тяжелую болѣзнь, и на грѣшниковъ, какъ на больныхъ; Онъ видѣлъ въ Себѣ посланнаго для нихъ Врача, Который пришелъ оказать имъ милосердіе, соотвѣтственно ихъ страждущему положенію. Да, по праву и справедливости врагу надлежитъ смерть и погибель, больному же, наоборотъ—сожалѣніе и состраданіе и, прежде всего, конечно, отъ врача. Послѣднее же, по слову Его, и есть „благоволеніе Отца“, причемъ, входя съ этими больными въ близ-

кое общеніе, Онъ совершаетъ присущее Ему дѣло по благоволенію Того, Кто послалъ Его. И если затѣмъ Онъ отдаетъ Себя въ жертву за этихъ больныхъ, которые одновременно были врагами и противниками, то совершается это отнюдь не потому, что Богъ имѣетъ удовольствіе и радость въ такомъ ужаснѣйшемъ актѣ жертвоприношенія, но потому, что не было другого пути, для искупленія возмущенія и еще потому, что эта жертва проявила безграничное милосердіе и дивную милость по отношенію къ этимъ больнымъ, которые были такъ благоугодны Богу (Евр. 2, 9). Этому еще не научились фарисеи, а равно не научились этому и многіе гордые святые нашихъ дней, которые такъ сурово и жестоко обращаются съ многими опутанными грѣхомъ сынами человѣческими и не желаютъ знать что-либо о врачебномъ состраданіи къ онымъ, и это, конечно, по причинѣ ихъ невѣдѣнія того, что и грѣхъ есть также тяжелая, смертельная болѣзнь.

И наоборотъ, многіе люди совершенно не понимаютъ Бога въ Его отношеніи къ справедливости и святости. Для нихъ Онъ есть только Богъ любви и милосердія и изъ прямого состраданія къ нимъ Онъ долженъ (такъ полагаютъ они) прощать и исцѣлять ихъ, какъ больныхъ. Они пренебрегаютъ, можетъ быть, и безсознательно, но все-же къ ихъ собственному несчастію, Его свидѣтельствомъ въ Св. Писаніи, которымъ Онъ подтверждаетъ Свой гнѣвъ противъ грѣха и грозитъ проявить его противъ необращеннаго грѣшника. Причина этого недоразумѣнія и тутъ кроется въ недостаткѣ познанія того, что именно такое есть грѣхъ; они, какъ фарисеи, направляютъ свой взоръ въ другую сторону и, подобно имъ, не замѣчаютъ многосторонность грѣха.

Если бы мы глубоко усвоили себѣ то, что мы происходимъ отъ тяжко-больного рода, о которомъ Господь говоритъ: „Вся голова въ язвахъ, и все сердце исчахло. Отъ подошвы ноги до темени головы нѣтъ у нихъ здороваго мѣста, язвы, пятна, гноящіяся раны, неочищенные и необвязанные и несмягченные елеемъ“ (Ис. 1, 5-6). Если бы мы, подобно Ему, имѣли въ виду, что страшнѣйшая эпидемія охватила всѣхъ насъ, которая совершенно заразила самыя драгоценныя части организма: голову и сердце, а отсюда уже распространилась

и на остальные члены и что это суть „язвы, ходящія во мракѣ, заразы, опустошающія въ полдень“, отъ которыхъ „падутъ подлѣ тебя тысячи и десять тысячъ одесную тебя (Пс. 90, 6-7), то съ какимъ бы участіемъ и состраданіемъ встали бы мы и, въ противовѣсъ гордому духу фарисеевъ, подобно нашему Учителю, совершали бы служеніе самарянина, съ какимъ бы рвеніемъ мы тогда стремились убѣждать этихъ несчастныхъ принять то единственное драгоценное лекарство, о дѣйствіи котораго и пророкъ и апостолъ согласно говорятъ, что: „Ранами Его мы исцѣлились“ (Ис. 53, 5; I Петр. 2, 24); да, тогда мы стремились бы этотъ благословенный трудъ продолжать до тѣхъ поръ, пока всѣ они не воскликнули бы вмѣстѣ съ Іаковомъ: „И сохранилась душа моя“, или какъ нѣкоторые говорятъ: „исцѣлилась душа моя“ (Быт. 32, 30).

Многократное обозначеніе грѣха какъ болѣзни можно подтвердить нѣкоторыми выдержками изъ Св. Писанія. Такъ, напр., Господь говоритъ о *пораненныхъ больныхъ* овцахъ, которыхъ пастыри не перевязывали и не врачевали (Лезек. 34, 4), но Онъ здѣсь подразумѣваетъ больного грѣхами Израиля, которому и обѣщаетъ „пораненную перевязу, и больную укрѣплю“ (ст. 16). Давидъ говоритъ о своихъ грѣхахъ такъ: „Смердятъ, гноятся раны мои отъ безумія моего“ (Пс. 37,) и, говоря о нихъ, онъ восклицаетъ много разъ: *Исцѣли меня, Господи... Исцѣли душу мою*“ (Пс. 6, 3; 40, 5). Много разъ спасеніе души называется *исцѣленіемъ*. Въ Псалмѣ 29, 3-4 говорится: „Господи, Боже мой! я возвалъ къ Тебѣ, и Ты исцѣлилъ меня. Ты вывелъ изъ ада душу мою“. Въ книгѣ Исаи 57, 17. 19 мы читаемъ: „... но онъ, отвратившись, пошелъ по пути своего сердца. Я видѣлъ пути его, и исцѣлю его“. „Я исполню слово: миръ, миръ дальному и близкому говоритъ Господь и исцѣлю его“. Удаленіе и прощеніе грѣха Богъ также называетъ исцѣленіемъ: „Я сказалъ: Господь! помилуй меня, исцѣли душу мою, ибо согрѣшилъ я предъ Тобою“ (Пс. 40, 5). „Но Онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши... ранами Его мы исцѣлились“ (Ис. 53, 5). Господь зоветъ Израиля: „Возвратись, мятежное дитя: Я исцѣлю вашу непокорность“ (Іерем. 3, 22) и т. д.

Грѣхъ въ области духовной есть то же, что болѣзнь въ области тѣлесной, поэтому мы и находимъ часто въ св. Писаніи, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, упоминаніе обоихъ рядомъ. Въ Исх. 15, 26 Господь ставитъ Израилю условіе не грѣшить, чтобы сохранить себя отъ болѣзней плоти: „Если ты будешь слушаться гласа Господа Бога твоего и дѣлать угодное предъ очами Его то не наведу на тебя ни одной изъ болѣзней, которыя навелъ Я на Египетъ, ибо Я Господь Цѣлитель твой“. Тутъ внутренняя и наружная болѣзнь въ источникѣ своемъ находятся въ тѣсной связи. Такъ говорится и во Второзак. 7, 12. 15. Одновременно о грѣхѣ и болѣзни упоминаетъ и Давидъ въ Псал. 102, 3. Равно и въ дивной 53 главѣ прор. Исаи ст. 4 и 5 оба эти предмета стоятъ рядомъ. Въ Новомъ Завѣтѣ грѣхъ особенно выступаетъ, какъ громадное зло и какъ причина всѣхъ плотскихъ недуговъ у больныхъ. Только по этой причинѣ Великій Врачъ при исцѣленіи разслабленнаго, котораго принесли къ Нему лишь для уврачеванія плоти,—началъ таковое исцѣленіемъ духовной болѣзни (Лук. 5, 18-20), а другого человѣка, по совершенію исцѣленія, Онъ серьезно предостерегалъ отъ грѣха, чтобы съ нимъ не случилось „чего хуже“ (Іоан. 5, 14).

Поэтому, какъ плотская болѣзнь проявляется въ безконечно разнообразныхъ видахъ и выявляется свою могущественную власть на тѣлѣ, такъ бываетъ и съ грѣхомъ; онъ есть разрушитель человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, и всѣ плотскія болѣзни, если провести параллель, до изумленія открываютъ, что *видимое зло часто служитъ точнымъ прообразомъ невидимаго, т. е. грѣха*. Посему, чѣмъ въ этомъ отношеніи является грѣхъ, мы лучше всего уяснимъ себѣ, если постараемся, елико возможно, освѣтить вопросъ: „Что собственно вообще есть болѣзнь?“.

Прежде всего мы скажемъ: **болѣзнь есть именно заторможеніе или подавленіе существующей въ личности жизни**. Смотри по силѣ, которую она проявляетъ и по объему, которымъ она завладѣваетъ организмомъ, существующая жизнь или будетъ задержана или уничтожена; поэтому въ обыденной жизни о больныхъ говорятъ разное: какъ о находящихся внѣ всякой опасности, какъ о больныхъ съ слабой надеждой на выздоровленіе и какъ о больныхъ, которые совершенно безнадежны. Во всѣхъ нихъ жизнь болѣе или менѣе подорвана и приблизилась къ разрушенію. Частичный больной, напр., уже съ самаго начала болѣзни носить въ себѣ зародышъ смерти, хотя жизнь въ немъ повидимому проявляется еще въ полной силѣ; и только постепенно можно замѣтить, какъ эта жизнь ослабѣваетъ, сокращается и, наконецъ, совершенно побѣждается находящимся внутри больного ядомъ.

Точно такъ же дѣйствуетъ и грѣхъ. Онъ есть,— все равно въ какомъ бы видѣ онъ ни проявился,— тотъ духовный ядъ, отравляющій всякую жизнь отъ Бога, (слѣдовательно, грѣхъ, какъ болѣзненное вещество, есть также и вражда противъ Бога),— который стремится затруднить, заглушить и уничтожить эту жизнь, гдѣ бы ее онъ не находилъ, сталкиваясь ли съ нею въ раю, встрѣчаясь ли въ сердцахъ тѣхъ, которые заполнены имъ въ настоящемъ жалкомъ мірѣ, или же прививаясь тѣмъ, которые еще и не овладѣли этой жизнью. Его появленіе или вторженіе всегда сопровождается ужаснымъ приговоромъ: „Ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертію умрешь“ (Быт. 2, 17). Ходъ его развитія всегда согласуется съ описаніемъ: „Похоть же зачавши рождаетъ грѣхъ, а сдѣланный грѣхъ рождаетъ **смерть**“ (Іак. 1, 15). И сей злокачественнѣйшій изъ ядовъ всѣхъ болѣзней со всей своей силой проникъ въ прежнюю полную и чистую жизнь нашихъ прародителей, а отъ нихъ уже перешелъ на всѣ послѣдующія поколѣнія. Не ослабѣвая, а наоборотъ, даже умножаясь въ силѣ, и до сего дня онъ дѣйствуетъ съ постоянно углубляющимися послѣдствіями, внося явное разрушеніе въ духъ, душу и тѣло. Поэтому мы читаемъ о *смерти*, что она *чрезъ грѣхъ вошла въ міръ* (Римл. 5, 12) и *чрезъ грѣхъ* достигла полного владычества (Римл. 5, 15. 17. 21). Мы читаемъ о *принесеніи грѣхомъ плода смерти* (Римл. 7, 5), о *законѣ грѣха и смерти* (Римл. 8, 2), т. е. о законѣ, которымъ **грѣхъ и смерть** соединены въ неразрывную связь. Поэтому онъ и проявляется не какъ болѣзнь вообще, но какъ **неизбѣжно смертельная болѣзнь**. И потому, что это такъ, всякій совершенный грѣхъ является преступленіемъ противъ высшаго блага, которое мы, какъ сотворенныя существа, имѣемъ отъ Бога, т. е. грѣхъ является посягательствомъ на жизнь во всякомъ видѣ, будетъ ли это духовная или плотская жизнь и поэтому есть достойное проклятія самоубійство. Въ такомъ освѣщеніи мы лучше всего понимаемъ характеристику діавола, данную нашимъ Господомъ, Который говоритъ, что

дѣволъ есть убійца отъ начала, ибо онъ „согрѣшилъ отъ начала“ и передалъ этотъ ядъ существамъ, сотвореннымъ какъ и онъ. Гдѣ только мы встрѣчаемъ побѣжденную жизнь, тамъ этотъ ядъ обязательно проявилъ свое дѣйствіе. Эта неопровержимая дѣйствительность должна привести насъ къ такому выводу, что грѣхъ, какъ болѣзнь, возстающая противъ жизни въ Богѣ, равно какъ и вражда противъ Бога, чѣмъ онъ и есть въ обоихъ случаяхъ,—приводить къ одной конечной цѣли, т. е. къ смерти въ ея полномъ смыслѣ. Какъ возстаніе противъ Бога, грѣхъ какъ бы вкладывается въ Его руки мечъ, чтобы предать смерти грѣшника и врага; какъ ядъ болѣзни—онъ самъ душитъ его. Поэтому, независимо отъ всѣхъ справедливыхъ наказаній Божіихъ, уже въ природѣ грѣха лежитъ зародышъ временной и вѣчной смерти. Какими вздорными поэтому являются всѣ безумныя рѣчи о немилосердіи Божіемъ, если люди сами стремятся къ конечному результату грѣшника, т. е. къ вѣчной гибели, которая есть смерть вторая. Вѣдь грѣшникъ не самъ идетъ туда и грѣхъ въ немъ совершенно естественно влечетъ его къ этому результату, если онъ не избѣгаетъ этой болѣзни и не принимаетъ посланнаго отъ Бога Врача.

И какъ съ одной стороны болѣзнь тормозитъ и уничтожаетъ жизнь, такъ съ другой стороны, она почти во всѣхъ случаяхъ похищаетъ жизненную силу, если даже еще жизнь и теплится въ человѣкѣ. Всякій знаетъ, что почти каждая болѣзнь начинается съ слабости. Евангельскій расслабленный съ своими неподвижными членами, служить въ этомъ случаѣ весьма замѣтнымъ примѣромъ. Въ началѣ его болѣзни, онъ во всякомъ случаѣ не былъ тѣмъ, чѣмъ сталъ, когда на рукахъ четырехъ добровольцевъ былъ принесенъ къ Господу. Жизнь въ немъ еще не прекратилась, но въ немъ не было и силы, чтобы сдѣлать что-либо. Возможно, что въ своихъ больныхъ членахъ онъ еще обладалъ нѣкоторымъ осязаніемъ; но при этой болѣзни часто случается, что и это осязаніе исчезаетъ, хотя въ членахъ еще и заключается жизнь. Часто этотъ недугъ поражаетъ какой-либо одинъ членъ, иногда только одну сторону тѣла, но иногда и весь организмъ больного.

Такого свойства часто бываетъ и дѣйствіе грѣха, и это не только у необращенныхъ, но и у дѣйствительно вѣрующихъ, если только онъ находитъ дверь, чтобы проникнуть въ послѣдняго. Грѣхъ парализуетъ его жизненные силы. Иногда мы бываемъ увѣрены въ нѣкоторыхъ людяхъ, что они получили жизнь отъ Бога и она понынѣ еще находится въ нихъ; но въ нихъ нѣтъ проявленія какой либо силы. Въ этомъ отношеніи они стали духовно-расслабленными душами. Они не свидѣтельствуютъ о Христѣ, ибо имъ не достаетъ внутренняго побужденія, а если таковое имѣется, то сила воли въ нихъ совершенно расслаблена, но если и таковая имѣется, то все же она не освящена и лишь плотскія пружины приводятъ ее въ движеніе. Въ нихъ нѣтъ никакого успѣха по отношенію тѣхъ качествъ или совершенствъ, которыя основываясь на 2 посл. Петра 1, 5-7, должны сопровождать живую вѣру. Такихъ несчастныхъ, подобно тому расслабленному приходится носить на рукахъ, ухаживать за ними и духовно держать надъ водою, вмѣсто того, что они сами должны были бы носить другихъ и направлять ихъ впередъ. Имъ не достаетъ могучаго сопротивленія отдѣльнымъ грѣхамъ и разнымъ искушеніямъ вообще. И если такое разслабленіе затягивается, то этимъ

въ нихъ уничтожается всякая нравственная энергія и, наконецъ, грубѣетъ и убивается всякое духовное чувство. И если въ началѣ первое открытіе этого расслабленія въ нихъ и вызвало печаль и слезы, а свидѣтельство Духа Святаго или Слово Господне, касаясь этой болѣзни и произвело глубокое впечатлѣніе, то потомъ уже, наоборотъ, появилось равнодушіе и даже безчувствіе. И насколько глубоко можетъ быть паденіе такой духовно-парализованной жизни,—установить трудно. Но что особенно прискорбно, и это необходимо отмѣтить,—такъ это то, что наше время носить въ себѣ отпечатокъ такого духовнаго расслабленія въ дѣтяхъ Божіихъ, такъ что невольно является потребность спросить: „Развѣ нѣтъ бальзама въ Галаадѣ? развѣ нѣтъ тамъ врача? Отчего же нѣтъ исцѣленія дщери народа Моего?“ (Іерем, 8, 22). Истинныя проявленія силы бываютъ весьма рѣдки, и наоборотъ, омѣрщеніе, половинчатость, подражаніе міру и уступки массѣ бываютъ въ изобиліи. Это—признаки глубокой внутренней болѣзни или несокрушимаго грѣха.

Болѣзнь отнимаетъ не только силы, но она затрудняетъ и дѣйствительный ростъ. Грудной младенецъ можетъ обладать всѣми частями человѣческаго тѣла, всѣ члены у него могутъ быть во всѣхъ отношеніяхъ развиты нормально; но если у него появится болѣзнь, то, не смотря на умноженіе лѣтъ, онъ не далеко уйдетъ отъ младенческаго возраста, а если къ этому еще прибавится расслабленіе, то въ немъ прекратится всякій ростъ и его организмъ, вмѣсто возрастанія, начнетъ ежедневно сокращаться.

Точно такое же дѣйствіе, довольно часто, можно наблюдать и въ духовной области. Сколько истинно-обращенныхъ встрѣчаются намъ, которые и по прошествіи многихъ лѣтъ съ великой радостію продолжаютъ рассказывать о томъ, какъ они въ началѣ пробудились къ жизни, объ успѣхѣхъ же и возрастаніи въ этой жизни и во Христѣ въ настоящее время, равно какъ и въ дальнѣйшемъ,—они ничего не знаютъ; но объ ослабленіи они могли бы, если бы только пожелали честно сознаться, кое-что рассказать, а также и другія знающія ихъ лица. Вмѣстѣ съ Галатами озираются они въ прошлое и говорятъ о томъ, какъ они нѣкогда были блаженны. Въ чемъ же причина тому, что теперь они не таковы? Поистинѣ, въ девятьсотъ девяносто девяти случаяхъ, отвѣтъ будетъ слѣдующій: вскорѣ послѣ хорошаго начала, ядъ грѣха медленно проникъ въ нихъ и отдѣлилъ ихъ отъ первоисточника всякой жизни, чѣмъ и затруднилъ ихъ ростъ. Встрѣчая ихъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, мы не узнаемъ ихъ, ибо они не соотвѣтствуютъ нашему представленію касательно ихъ возраста и годовъ, ибо они остались грудными младенцами; мы всматриваемся въ нихъ и не узнаемъ ихъ снова, какъ послѣ тяжелой болѣзни мы не узнаемъ нашихъ знакомыхъ, потерявшихъ бывший у нихъ раньше цвѣтущій видъ.

Но болѣзнь способна еще на большее: она способна разрушить отдѣльныя дарованія человѣческаго организма. Она можетъ у человѣка похитить его драгоценныя чувства, такъ что въ извѣстномъ направленіи появится полная неспособность ихъ проявленія. Во дни Господа были слѣпые и слѣпорожденные, глухіе и глухонѣмые и т. д. Тамъ ужъ не только слабость и расслабленіе было послѣдствіемъ болѣзни, но они совершенно лишались способности видѣть, слышать и говорить. И что изъ себя представляетъ человѣкъ, если ему не достаетъ этихъ благодатныхъ дарованій, если онъ

лишенъ способности воспринимать передаваемые словами или знаками мысли другихъ, а также не въ состояннн и свои мысли передать другимъ, и по глазамъ и лицамъ другихъ читать ихъ чувства?

Если же плотское лишеніе этихъ дарованій соединенно съ такими тяжелыми послѣдствіями, что же тогда должно сказать о грѣхѣ, который то же самое дѣлаетъ и съ душою? А что это дѣйствительно такъ,—Св. Писаніе и нашъ личный опытъ даютъ сему серьезныя доказательства. Грѣхъ похищаетъ у человѣка его духовныя чувства и дѣлаетъ это даже съ возрожденнымъ, если тотъ снова предоставляетъ ему въ себѣ мѣсто. Развѣ не буквально точно говорится о многихъ грѣшникахъ, что у нихъ „есть глаза, а не видятъ, у которыхъ есть уши, а не слышатъ“ (Перем. 5, 21) и что до нынѣшняго дня встрѣчаются стражи, которые суть **нѣмые** псы (Ис. 56, 10)? Вѣдь Св. Духъ обозначаетъ намъ тѣхъ, которые подлежатъ гибели, именно какъ таковыхъ, „у которыхъ богъ вѣка сего ослѣпилъ умы, чтобы для нихъ не возсіяло свѣтъ благовѣствованія“ (2 Кор. 4, 4): „и ушами съ трудомъ слышатъ и глаза свои сомкнули, да не увидятъ глазами и не услышатъ ушами, и не уразумеютъ сердцемъ и да не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ“ (Матѣ. 13, 15). Такова причина, почему Онъ сталъ Врачемъ и пришелъ къ намъ, и почему именно были посланы Его вѣстники для распространенія о Немъ вѣсти, дабы всякій слушающій ее сталъ здоровъ (Пс. 106, 20) и открылись бы глаза ихъ (Дѣян. 26, 18), чтобы глухіе ушами слышали и нѣмые языкомъ воспѣли хвалу (Ис. 35, 5, 6).

Не открывали ли часто тѣ, которые стремились приобрести души для Христа, что у многихъ сыновъ человѣческихъ совершенно отсутствуетъ **слухъ**: не замѣчали ли они въ теченіе многихъ лѣтъ предъ собой людей, которые имѣли уши, чтобы слышать и все-же не слышали, у которыхъ одинаково въ глубь сердца не проникалъ ни кроткій призывъ любви, ни громъ закона? И еще болѣе, стоящіе внѣ поняли, что Богъ говорилъ этимъ душамъ, сами же они, къ которымъ относился Его голосъ, ничего не слышали изъ сказаннаго имъ. Точно также обстоитъ дѣло и съ **внутренними глазами**. Многолѣтнее освѣщеніе лучами славнѣйшаго Свѣта не дало ни одной искры ясности въ мракъ ихъ сердецъ, причемъ мы здѣсь вовсе не думаемъ о язычникахъ, живущихъ въ мракѣ смертной тѣни, но о людяхъ, которые отъ юности своей знаютъ св. Писаніе. О, если бы мы близко приняли къ сердцу, что у нихъ похищены эти дарованія и что мы должны, во что бы то ни стало, принести ихъ къ Великому Врачу, дабы Онъ произнесъ надъ ними Свое „еффааа“ и коснулся бы ихъ глазъ, вмѣсто того, чтобы намъ внутренне раздражаться ихъ тупостью, или же рѣшить предать ихъ забвенію, а равно и выражаться о нихъ съ пренебреженіемъ или даже съ насмѣшкой. Въ этомъ отношеніи Господь даже изрекъ Свое повелѣніе: „Не злословь глухого, и предъ слѣпымъ не клади ничего, чтобы преткнуться ему: бойся Бога твоего“ (Лев. 19, 14).

И все-же, съ какой скорбію должно признать то, что грѣхъ часто и у вѣрующихъ разрушаетъ только что приобретенныя дарованія. „Ухо слышащее и глаза видящій—и то и другое создалъ Господь“ (Притч. 20, 12), и Онъ вложилъ въ уста ихъ *новую пѣснь*—хвалу Богу нашему (Пс. 39, 4); но—знай это каждый, что если грѣхъ хотя бы въ маломъ размѣрѣ снова займетъ въ насъ мѣсто, то именно

эти драгоценныя дарованія прежде всего будутъ затронуты имъ.

Слушая голосъ Господа, въ насъ началась духовная жизнь, и неспособность слышать его ведетъ къ исчезновенію ея силы, ея роста и ея полноты. „Послушайте и жива будетъ душа ваша“ (Ис. 55, 3),—таково правило Господа, дѣйствующее и до нынѣ. Но если грѣху разрѣшается доступъ, то способность слышать понижается все больше и больше. Это совершается постепенно и, можно сказать, естественно. Стоитъ только пренебречь Божиимъ кроткимъ и любвеобильнымъ призывомъ, общеніемъ съ Нимъ, вниканіемъ внутри себя къ Его поученіямъ, предостереженіямъ и обличеніямъ, или Его призывомъ къ бодрствованію, работѣ, молитвѣ и т. д., отклонить или не дослышать все это, потому что другіе призывы покажутся болѣе важными, и—все это поведетъ къ тому, что въ слѣдующій разъ повторить это становится уже гораздо легче: стоитъ затѣмъ стать равнодушнымъ къ голосу Богу, или дать преимущество предъ нимъ другимъ голосамъ—и это еще болѣе ожесточитъ сердце, или какъ говоритъ Св. Писаніе, сдѣлаетъ его „огрубѣлымъ“, глухота же уха уже лишаетъ способности что-либо слышать. Органъ еще остается на прежнемъ мѣстѣ, но грѣхъ подвергъ его заболѣванію и дальше все болѣе и болѣе проявляется способность, подобно глухимъ, легко переносить громкіе звуки, и не слышать ихъ. И мы спрашиваемъ: для чего же, наконецъ, долженъ еще говорить Господь, если Онъ все равно не будетъ услышанъ?

Точно такъ обстоитъ дѣло и съ **духовнымъ глазомъ**. Какимъ яснымъ и свѣтлымъ бываетъ онъ въ самомъ началѣ у всѣхъ тѣхъ, которые получили отъ Господа очищеніе своихъ грѣховъ: но какъ прискорбно становится то, если они, помня о прощеніи своихъ грѣховъ, забываютъ объ очищеніи оныхъ, т. е. если они чрезъ внутреннее запятнаніе и пребываніе въ нечистотѣ, теряютъ полное представленіе о безупречной безпорочности, въ которую ихъ одѣлъ Христосъ, когда омылъ ихъ; они становятся, по выраженію ап. Петра, „слѣпыми, закрывъ глаза“ (2 Пет. 1, 9). О, сколько теряютъ они! Они не могутъ уже больше, какъ прежде, *взирать* на Бога, потому что это могутъ дѣлать только чистые сердцемъ (Матѣ. 5, 8). Какъ мало свѣта Божіи откровенія бросаютъ на ихъ путь: познаніе Бога и Иисуса Христа, познаніе Его слова по проществу нѣсколькихъ лѣтъ или совершенно не произрастаетъ у нихъ, или такъ мало, что оно не можетъ быть названо ростомъ, ибо является, собственно, только собраніемъ нѣкоторыхъ познаній, но безъ жизни и силы. И чѣмъ болѣе и болѣе глазъ становится „лукавымъ“, тѣмъ болѣе онъ теряетъ простоты и видитъ уже всѣ предметы въ мутномъ и предвратномъ освѣщеніи. Совершенно иначе онъ оцѣниваетъ все, что окружаетъ его,—и какимъ прекраснымъ, какимъ великимъ, какимъ драгоценнымъ и достойнымъ считаетъ онъ все, что принадлежитъ этому міру, хотя все это пройдетъ вмѣстѣ съ своею похотью: какъ превратно смотритъ онъ на вещи, которыя находятся надъ нимъ и пребываютъ вѣчно, какъ теряютъ онѣ постепенно свою привлекательную силу, какъ часто кажутся онѣ такими далекими и постепенно становятся такими чужими и, наконецъ, исчезаютъ совершенно, точно въ вздымающемся туманѣ, вмѣсто того, чтобы ему еще глубже проникнуть въ нихъ и открыть еще славнѣйшее. И какъ совершенно извращенно всматривается этотъ поврежденный грѣхомъ глазъ въ предметы **въ себѣ**, находится ли тамъ собственная жизнь

личного „я“, или же проявляется жизнь въ Богѣ движется ли. тамъ измышленія и выдумки въ колеѣ плотскихъ побужденій, или же тамъ управляетъ Св. Духъ. И дѣло доходить до того, что онъ, наконецъ, становится не въ состояніи испытывать и изслѣдовать самаго себя. (2 Кор. 13, 5).

Но если гдѣ-либо происходитъ такое заболѣваніе уха и глаза, то за нѣмъ послѣдуетъ подобная же болѣзнь бывшаго прежде здоровымъ языка. Ибо „отъ избытка сердца говорятъ уста“. Если закрываются тѣ двери, чрезъ которыя Господь проникалъ въ наше сердце, то навѣрное уже нѣчто другое вмѣсто Него заполняетъ это сердце, уже не Онъ, а нѣкто другой будетъ держать тамъ рѣчь, причемъ онъ и будетъ слышанъ, и потомъ это уже перейдетъ и на языкъ. „Какъ Я слышу, такъ и говорю“, — сказалъ Господь. Онъ слышалъ Отца, и только о Немъ и къ Нему говорилъ Онъ. И что вѣрующій внутренно слышитъ, то и говорить онъ или къ окружающимъ его или же Своему Господу. О, съ какой болью приходится замѣчать часто, что мы должны слушать весь день длящуюся болтовню обо всемъ и о всѣхъ именно отъ тѣхъ, которые считаютъ себя принадлежащими Богу, только Онъ не является ихъ любимой темой; и еще больше, обычно-разговорчивые уста иногда умолкаютъ совершенно, какъ только темой начатой бесѣды становится Господь. Его Слово, опыты вытекающіе изъ общенія съ Нимъ, жизнь въ союзѣ съ Нимъ и другіе подобные предметы. Весьма вѣроятно, что тамъ не все здорово, гдѣ Онъ и Его законъ перестаютъ быть „рѣчью нашихъ устъ“.

„Грѣхъ похитилъ у человѣка способность восхвалять Бога или призываютъ Его въ молитвѣ. Онъ лишилъ его дарованія свидѣтельствовать предъ людьми, онъ запечаталъ его уста, онъ слѣпалъ его нѣмымъ и глухимъ“. — такъ восклицаетъ одинъ вѣрующій слуга Божій и воистину, грѣхъ совершаетъ это и до настоящаго часа тамъ, гдѣ только онъ можетъ войти и обрѣсть пріютъ.

Какъ славно, что дивный Врачъ существуетъ еще и теперь, чрезъ Котораго можно получить полное исцѣленіе отъ всякаго грѣховнаго недуга, будетъ ли онъ затруднять ростъ, уничтожать силы или же похищать все достояніе, а то, наконецъ, и подготавливать полное прекращеніе нашей жизни: отъ Него исходитъ сила и Онъ помогаетъ всякому человѣку (Лук. 5, 17). Вовсе нѣтъ надобности теперь уже ожидать другого, ибо Онъ Тотъ, Кто долженъ былъ придти; Онъ есть единственный и истинный Спаситель отъ грѣха какъ опредѣленной болѣзни, но только для тѣхъ, кто искренно обращается къ Нему, какъ и прежде къ Нему обращались больные.

Обратимся же теперь отъ этой печальной стороны грѣха и посмотримъ на другую сторону, опираясь на послѣдующую точку зрѣнія Божія, и мы сейчасъ же найдемъ тамъ, что: *грѣхъ есть также нравственное оскверненіе.*

(Продолженіе слѣдуетъ),

И. В. Каргель.

Въ Харьковскій край.

V.

Курскій ледникъ.

По предложенію веселаго, краснощекаго хохла старшаго конвойнаго, мы перешли въ сосѣдній меньшій размѣрами вагонъ, гдѣ и расположились, какъ могли. Напились чаю и снова завязалась бесѣда. Къ рѣшеткѣ подошелъ солдатъ, послушалъ и вмѣшался:

— Вотъ вы все тутъ говорите о Богѣ, а я думаю, что никакого Бога нѣтъ и все это выдумка поповъ.

И, не слушая возраженія, возбужденно и нервно засыпалъ словами, точно изъ пулемета. Религія — выдумка и фантазія; грѣхъ — ерунда; каждый живетъ для себя, какъ хочетъ; правительство — зло, всѣ должны знать только свое брюхо, свою шкуру, свои похоти и свои удовольствія; поэтому всѣхъ, кто мѣшаетъ, кто заграждаетъ дорогу, кто чинитъ препоны всякимъ пожеланіямъ, стремленіямъ и дѣйствіямъ народа, — нужно уничтожать, сметать съ пути, какъ соръ, какъ прахъ...

— Богъ, это я! — горячился конвойный, ударяя себя въ грудь. — И довольно намъ быть дураками и олухами, чтобы служить дойной коровой для проходимцевъ и слушать сказку про бѣлаго бычка.

Терпѣливо выждавъ окончанія этого бурнаго потока, спросили:

— Вы кончили уже?

— Кончилъ и больше ничего не хочу говорить и слушать, — повернулся онъ уходить.

— Но это же односторонне, говорить самому и не слушать другихъ.

Онъ остановился, подошли еще нѣкоторые солдатики, и мы постарались уяснить нашъ взглядъ на высказанное мнѣніе. Противорѣчія и пороки жизни дѣйствительно могутъ толкнуть ищущаго истины человѣка въ пучину невѣрія, отрицанія и ожесточенія, что и встрѣчается повсюду, и даже неожиданно здѣсь, подъ солдатскимъ мундиромъ. Но виновенъ въ этомъ не Богъ, а человѣкъ, который свободную волю подчинилъ грѣху и сталъ рабомъ пороковъ; павшее человѣчество само не можетъ встать и чтобы его поднять, „выискать и спасти“ и пришелъ на землю Христосъ. Вопросъ о Богѣ старъ, какъ сама жизнь и всегда человѣчество дѣлилось на вѣрующихъ и невѣрующихъ; но стало замѣтно, что тогда, какъ первые стремятся къ духовному совершенству и внутренней чистотѣ, вторые часто отвергаютъ Бога въ „безуміи сердца своего“, живя въ грязи добровольнаго грѣха, который и не желаютъ оставить. Все таки и невѣрующіе признаютъ въ мірозданіи „нѣчто“ разумное и опредѣленное, называя его „природою“. Вѣрующіе же это „нѣчто“ развиваютъ до предѣловъ возможнаго и считаютъ болѣе честнымъ признать свою ограниченность въ познаніи и нужнымъ эту разумную „волю“ назвать Богомъ и т. д. Разныхъ религій Библія не знаетъ, а есть только одна вѣра Божія, и человѣкъ, имѣющій ее — живъ будетъ. Признать Бога и довѣриться Ему — значитъ вѣрить... Правительство нужно для управленія и устроенія порядка, обязательнаго для всѣхъ, для поощренія добра и наказанія зла, отрицательныя же явленія нашего времени сви-

дѣлательствуютъ, что у насъ во многомъ еще нѣтъ порядка и улучшенія, мы если и протестуемъ противъ насилія другихъ, то только для того, чтобы былъ просторъ нашему брюху...

Толковали довольно долго и подѣ конецъ солдатъ снова упорно заявили:

— Нѣтъ Бога!

— Есть Богъ!

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ Бога!

— Есть, есть и есть Богъ!

— Я вѣдь упорный хохоль.

— Среди насъ тоже много хохловъ.

Такъ и разошлись, оставаясь каждый при своемъ, все-же нашъ собесѣдникъ сталъ еще болѣе предупредительнымъ и услужливымъ.

Одинъ молодой парень, направляемый къ воинскому начальнику, признался намъ, что дядя его тоже вѣрующій и самъ онъ бывалъ на собраніяхъ, но веселая жизнь тянула къ себѣ и толкала на нехорошій путь. Выходя изъ вагона, онъ растроганный, благодарилъ за добрые совѣты и обѣщалъ служить Господу. Дай, Боже, ему новое сердце!

Стало темнѣть, зажгли свѣчи и подѣ насвистѣ скучающаго часового, всѣ уснули. Въ два часа ночи прибыли въ Курскъ и приготовились пересѣсть въ Московскій поѣздъ. Но вызывать что то не спѣшили и незамѣтно сонъ снова сковалъ сознаніе.

— Собирай вещи, выходи!—послышалось знакомое и я подхватился, весь дрожа отъ внутренняго холода. Ноги стаяло судорогой отъ неудобнаго положенія. При свѣтѣ мигающихъ свѣчей всѣ лица искажались уродливыми тѣнями и усталость чувствовалась во всемъ тѣлѣ. Какъ уютно, тепло и покойно теперь дома!.. Но сознаніе снова возвращалось къ дѣйствительности. Въ окнахъ показалось дымящее пламя знакомыхъ факеловъ и остановилось около вагона. Виднѣлись котомки и платки женщинъ съ малютками на рукахъ.

— Ой, какъ мнѣ цихъ хлопчатъ жалко!—приговаривалъ старшій, покрикивая, чтобы прибывшая партія скорѣе садилась въ вагонъ.

— Попадемъ ли мы на Московскій поѣздъ?

— Нѣтъ, не хватило вагоновъ, — равнодушно отвѣтилъ солдатъ, крутя папироску.

— Что же это такое? Неужели? — заволновались мы.

— Изъ за какого то несчастнаго вагона новыя мытарства, новыя страданія! Это—ужасно!

Слѣдующій этапъ шелъ только черезъ недѣлю и нужно было отправляться въ Курскую тюрьму, прославившуюся своей суровостію, неудобствами, и даже жестокостію. Боже, да минуетъ насъ чаша сія! Но можетъ быть еще дѣло уладится, вотъ и старшій куда то побѣжалъ? Можетъ быть совершится чудо! Но чуда не было. Курскій конвой принялъ нашу партію и повелъ между вагонами куда-то въ сторону. Затѣмъ въ вагонъ безъ рѣшетки поѣхали по вѣткѣ на городскую станцію. Мы затихли и сидѣли печальные. Новый солдатъ, какъ купецъ по счетамъ, провѣрялъ, весь ли товаръ на лицо.

— Какъ отечество?—повторялъ онъ.

— Отечество Россія,—замѣтилъ кто то изъ насъ, вызывая невольную улыбку.

— Отца какъ звать?—настаивалъ тотъ.

— Отчество будетъ Ивановичъ, а отечество—Россія.

— Ну, не разговаривать!

Ночныя тѣни попрятались по угламъ, хотя солнце и не показывалось, не желая, видимо, освѣщать безуміе человѣковъ. Бѣлый туманъ по-

висѣ надъ просыпающимся городомъ. Версты четыре, если не больше, пришлось идти до тюрьмы по глубокому рыхлому снѣгу. Ноги скользили и грузили. Сумки оттягивали плечи, а казенное по-нукиваніе висѣло надъ головой и било по нервамъ. Все-таки суета улицы не ускользала отъ вниманія. Вотъ баба съ корзинкой спѣшить на базаръ. А наши то хозяйшкі что теперь дѣлаютъ дома?.. Вотъ дѣтишки бѣгутъ въ школу. Бойкій парнишка, съ бляхой на отцовскомъ картузѣ, выкрикиваетъ названіе газетъ.

— Эхъ, вотъ бы газетку?—вздыхнулъ я.

— Не отставай! Въ затылокъ,—поучаетъ конвойный и мои ноги работаютъ еще усерднѣе.

На углу улицы ветхая старушка, сложа руки, шевелить губами, смотреть на насъ и качаетъ головой. Ужъ не отыскиваетъ ли бабушка своего непутеваго сына, гдѣ либо шествующаго этапной дорожкой!.. Проѣхалъ трамвай мимо. Пошли въ гору, около какихъ то старыхъ воротъ—арки, навѣрно построенныхъ крѣпостными руками, свернули направо къ „ней“, бѣлокаменной. Въ тюремный дворъ вошли мимо какихъ то построекъ, обогнули башню съ часовымъ въ тулупѣ и взобрались во второй этажъ пересыльной новой темницы.

Большая, мрачная, холодная, съ мокрымъ асфальтовымъ поломъ, безъ единой скамьи или столика, камера сразу наполнилась негодующими восклицаніями:

— Вотъ такъ гостинцы!

— Бесплатная, мой хорошій!

— Дареному коню въ зубы не смотрять!

Съ желѣзныхъ балокъ на потолокъ капали холодныя крупныя слезы тюремнаго горя и лишеній. Отъ дыханія восьмидесяти человѣкъ воздухъ согрѣлся и число слезинокъ вверхъ, еще болѣе увеличилось. Операция обыска прошла быстро. Латышъ-капитанъ сосредоточилъ на себѣ вниманіе скучающихъ стражей и своимъ „дай хлѣба“ вызвалъ общее гоготеніе здоровыхъ надъ больнымъ. Только съ Жакомъ вышла заминка. Длинноносый, худой какъ палка, „крючекъ“ зацѣпился за его вещи и выбрасывалъ ихъ на грязный полъ.

— Нельзя ли поаккуратнѣе,—попросилъ Жакъ.

— Ишь, баринъ нашелся,—разозлился тотъ и выругался.

Въ наказаніе за „протестъ“, онъ заставилъ провинившагося узника раздѣться до бѣлья и когда тотъ исполнилъ приказаніе, надзиратель, злобно посмѣиваясь, произнесъ:

— Ну, теперь одѣвайся! Будешь знать, какъ указывать!..

Мы молча наблюдали всю эту вакханалію, и дѣлали знаки взволнованному плѣннику, чтобы онъ не вздумалъ возражать „начальству“.

Въ это время Х. Кравченко въ дверной „волчекъ“ разсмотрѣлъ на коридорѣ появившагося помощника начальника и попросилъ надзирателя допустить къ нему. Тотъ открылъ дверь.

— Насъ здѣсь девять человѣкъ духовныхъ наставниковъ инославнаго исповѣданія, высылаемыхъ въ Сибирь, и мы покорнѣе просимъ помѣстить насъ въ отдѣльной камерѣ,—попросилъ онъ.

Помощникъ разрѣшилъ и наша группа перешла въ меньшую, но такую же пустую, холодную, мокрую у высокихъ оконъ, камнату. Съ нами попали туда еще одинъ еврей торговецъ и нѣмецъ нашъ собесѣдникъ. Все удобство пока выражалось въ томъ, что не нужно было стережѣться отъ воровъ и глотать табачное благоуханіе. Черезъ часъ съ потолка начали падать тяжелыя слезинки на отягченныя думою головы. Большая холодная печь

стояла въ углу и, поблескивая чернымъ лакомъ, точно смѣялась надъ нашей привязанностію къ теплу. Особенность ея устройства заключалась въ томъ, что она никогда не нагрѣвалась, хотя дежурный и увѣрялъ, что ее топили.

Весь день мы проваливались на полу въ какомъ-то туманѣ. Ощущеніе неудобства, сырости и холода преслѣдовало повсюду. Казалось, что сидишь на льду и кругомъ тебя тоже ледъ. На самомъ дѣлѣ, оно такъ и было. Новое зданіе, только что отстроенное, замерзло, не успѣвши высохнуть и дышало холодомъ декабрьскимъ. Возникалъ вопросъ:

— Долго ли будемъ мерзнуть тутъ?

И снова неизвѣстность будущаго хранила свою тайну. Полагались сердцемъ на Того, Кто видѣлъ насъ и здѣсь.

Передъ вечеромъ въ камеру притащили по числу душъ брезентовыя подстилки, почему то названные матрацами. На нихъ были устроены „постели“ у стѣны. Надзиратель заявилъ, чтобы во время повѣрки въ шесть часовъ мы стали по два въ рядъ. И было рѣшено попытать счастья, попросить перевода въ сухую камеру, необходимой оказалась прогулка на свѣжемъ воздухѣ, хорошо было бы погрѣться въ горячей банѣ, кстати, нужно скорѣе писать своимъ письма, не дурно было бы получить книги для чтенія и вообще облегчить неприглядное положеніе, а самое лучшее—скорѣе отправиться дальше, чтобы не пропадало зря время. Размечтались до того, что не прочь были услышать отъ начальника сего заведенія приглашеніе на „чашку чаю“...

Рѣзкій свистокъ прорѣзалъ тишину коридора, приглашая приготовиться. Простояли мы въ стройномъ ряду нѣсколько минутъ и никого не дождались,

— Надоѣло стоять,—замѣтилъ кого-то, направляясь къ двери послушать.

— Стой, братъ, а то нарвемся на неприятность,—уговаривалъ я нетерпѣливыхъ.

Но ряды разстроились, нѣкоторые сѣли. Вдругъ щелкнулъ замокъ, дверь быстро распахнулась и послышалась команда: „Смирно!“

Всѣ мы бросились „строиться“ и смѣшно толкались на мѣстѣ передъ появившимся помощникомъ. Онъ нервно передернулъ плечами и закричалъ:

— Это что за безобразіе! Да я васъ переведу въ худшую камеру, кипятку лишу! Да я васъ...

Повернулся и быстро вышелъ.

— Эхъ, вы,—укоризненно замѣтилъ надзиратель,—ужъ и этого не смогли сдѣлать?!

Молча переглянулись и не знали: смѣяться намъ или плакать? Вотъ такъ лучшая камера, и прогулка, и баня, и книги, и письма, и всѣ удобства! Еще останемся безъ кипятку! Ну, и доля наша горькая!.. Мы сознавали, что провинились, нарушили священный этикетъ тюрьмы, хотя и неумышленно. Повѣрка въ тюрьмѣ, это—самый торжественный моментъ, когда заключенный долженъ, какъ солдатъ, держать руки „по швамъ“, „бѣть“ начальство глазами и отвѣчать:

— Здравія желаю, ваше высокородіе!

Но мы, какъ духовныя лица, говорили „здравствуйте“.

Помолились вмѣстѣ и легли спать. Холодъ будилъ часто, асфальтъ пола „притягивалъ“, во снѣ жались другъ къ другу и не могли согрѣться.

— Если бы былъ цементъ, было бы еще хуже,—удостоверяли специалисты по этой части.

Утромъ поднялись съ тяжелыми головами, блѣдные, съ синевой подъ глазами и, пожимаясь, при-

нялись кружить по камерѣ. За день навѣрно дѣлали версты до двадцати по прямой линіи.

Послѣ утренней повѣрки, пѣли молитву Господню и многія другія, которыхъ стѣны Курскаго узилища навѣрно никогда не слышали, молились и потомъ уже принимались за чаепитіе изъ ведра. Горячій чай былъ поистинѣ отрадой живота нашего и главнымъ подспорьемъ питанія въ тюрьмѣ. Обжигались, дули и продолжали глотать живительную влагу, радуясь теплу, разливавшемуся по всему организму. Приходилось въ такіе моменты сбрасывать теплыя одежды, которыя стали обычной неотъемлемой частью туалета и днемъ и ночью. Шапки снимали только во время повѣрки и молитвы,

Обѣдъ оказался слишкомъ скуднымъ; „супомъ“ называлась какая то мутная теплая водица. Второго блюда не полагалось.

— Кто поймаетъ картофель—получить свободу,—смѣялся я, но деревянные ложки тщетно производили въ деревянной же чашкѣ большія водовороты.

Хлебали сей супъ опять же для тепла. И благо намъ, что въ портмонѣ избраннаго „кассира“ хранились сокровища разнѣнные, которыя разбитной, хотя и плутоватый нашъ кормилецъ, надзиратель Павелъ Тимофеевичъ, обмѣнивалъ на колбасу, сало, сельди, сыръ, бѣлый хлѣбъ и прочія блага земныя. Какъ-то онъ принесъ вареный картофель въ мундирахъ, который вызвалъ общій восторгъ. Конечно, ничего не дѣлалось даромъ... Тюремный хлѣбъ былъ въ большинствѣ случаевъ хорошій, за исключеніемъ отдѣльныхъ явленій, когда онъ былъ черный, какъ земля и липкій, какъ глина. Куски этаго хлѣба мы засушили себѣ на „добрую память“ потомства.

Медленно умеръ и второй день. Повѣрка прошла образцово. Помощникъ молча вошелъ и вышелъ. К. Филиповичъ вспомнилъ, что во время оно, на поляхъ Манчжуріи, въ Японскую компанію ему приходилось съ товарищами почивать на снѣжной перинѣ и онъ предложилъ испробовать „солдатскую систему“. Всѣ теплыя вещи были уложены рядомъ и мы, раздѣлившись на двѣ части, улеглись съ двухъ сторонъ такъ, что ноги касались спины лежащаго напротивъ. Сверху покрылись, чѣмъ могли. Скоро ногамъ стало даже жарко, но грудь и голова стыли, особенно, когда во снѣ нарушался порядокъ тщательнаго пригнаннаго покрова. Во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ было теплѣе и послѣдующія ночи въ этомъ ледникѣ коротались въ установленномъ солдатскомъ порядкѣ.

На утро третьяго дня у нѣкоторыхъ першило въ горлѣ и ныла грудь... На общемъ совѣтѣ рѣшили заняться гимнастикой и массажемъ, чтобы помочь организму въ борьбѣ съ заболѣваніемъ. Раза два въ день, напрягая мускулы, сжимали и разжимали руки, присѣдали, подымались на рукахъ и т. д. и затѣмъ болѣе смѣлые обтирались до пояса мокрымъ полотенцемъ. Кровь переливалась быстрѣе, тѣло закалялось и становилось выносливѣе...

По возможности принялись за изслѣдованія Слова Божія. Днемъ обычно кто-нибудь говорилъ слово въ назиданіе, затѣмъ обсуждалось предложенное кѣмъ либо мѣсто Св. Писанія или завязывалась оживленная бесѣда по какому нибудь предмету духовной или общиной жизни. Закачивали наше „собраніе“ молитвою, которая всегда возбуждало острое любопытство заинтересованныхъ надзирателей. Особенно одинъ изъ нихъ, благо-

образный, спокойный, воздержанный, часто задавал вопросы то объ одномъ, то объ другомъ. Религіозный по своему, онъ стремился добрыми дѣлами заслужить спасеніе и среди остальныхъ надзирателей выдѣлялся справедливымъ и спокойнымъ отношеніемъ къ заключеннымъ. Все-же вздыхалъ о своей грѣховности. Наши отвѣты почти всегда волновали его и, потерпѣвъ поражение, но не желая сдаться, онъ быстро закрывалъ двери и уходилъ. Черезъ полчаса дверь снова открывалась, онъ выкладывалъ, что передумалъ за это время и разговоръ возобновлялся. Цѣніе ему нравилось и на вопросъ: „Можно ли пѣть больше“, отвѣтилъ:

— Хоть цѣлый часъ молигесь по своему.

Часто замѣчали, что онъ приоткрывъ задвижку „волчка“, наблюдаетъ, какъ мы поемъ и молимся.

— Почему послѣ цѣнія вы стоите безъ движенія?—поинтересовался онъ.

Оказалось, что чрезъ толстыя двери не слышно словъ молитвы.

— Все это хорошо,—разсуждалъ онъ,—но было бы еще лучше, если-бы вы осѣняли себя крестнымъ знаменемъ, признавали бы церковь...

— Кто же по вашему правильно служить Богу: вы или мы?—спрашивали его.

— Ну, конечно, мы.

— Тогда скажите, вы знаете, гдѣ ваша душа будетъ?

— А это уже Богъ святой знаетъ.

— Богъ то знаетъ, но Онъ желаетъ, чтобы и мы знали.

— Нѣтъ, этого мы не можемъ знать,—твердилъ онъ.

— Но вѣдь Христосъ говоритъ: „Вѣрующій въ Сына Божія имѣетъ жизнь вѣчную“. Замѣтите: „имѣетъ“, а не сказано: будетъ имѣть. Вы, вѣдь, вѣрующій? Господь говоритъ еще: гдѣ Я, тамъ и вы“..

Но онъ уже уходилъ и запиралъ двери на полчаса. Подъ тюремной бляхой у него билось живое, ищущее сердце...

Адвентисты тоже давали неисчерпаемый материалъ для разсужденій. Что такое адъ? Какое и когда наступитъ тысячелѣтнее царство? Должно ли праздновать субботу, исполнять законъ и пр. и пр. Не имѣя бумаги, они на стѣнѣ чертили планы грядущаго и писали вычисленія пророчествъ. Съ ними не соглашались, доказывали противоположное—и толкамъ не было конца...

Какъ то въ принесенномъ „супѣ“ замѣтили что-то похожее на свиное сало. Приготовили ложки и хлѣбъ.

— Благодари Господа, братъ Горѣликъ,—предложилъ Филиповичъ адвентисту.

Тотъ посмотрѣлъ на плавающие подозрительные куски, помолчалъ и заявилъ рѣшительно:

— Нѣтъ, не буду, тамъ свиное сало плаваетъ.

И оба адвентиста отложили ложки.

Послѣ обѣда я завернулся потеплѣе и легъ. Нѣкоторые братья ходили кругомъ. Потемнѣвшій и сильно осунувшійся нѣмецъ „праведникъ“ возбужденно восклицалъ:

— О, Боже, смотри, какъ Твой народъ похожъ на цыганъ!

Я слѣдилъ за двигавшимися ногами, которые вскорѣ почему то превратились въ морскія волны, большими валами набѣгавшими на берегъ Чернаго моря. На песокъ лежали опрокинутыя лодки. Вдали дымилъ пароходъ. Отъ него къ берегу бѣжали бѣлые гребни пѣны. Къ водѣ подошелъ на костыляхъ старикъ въ лохмотьяхъ и, указывая костылемъ на пѣну, кричалъ: „Сало, сало“! Видъ его смѣшилъ меня и въ тоже время я боялся,

чтобы волны не захлеснули старика. Подошелъ къ нему, взялъ за руку и вдругъ лицомъ онъ сталъ похожъ на Горѣлика. Но въ это время подбѣжалъ нѣмецъ и, указывая туда же, повторялъ: „Цыгане, это цыгане!“... Внезапно раздался сильный громъ и послышался знакомый голосъ: „Смирно!“

Еще не сознавая, въ чемъ дѣло, я подхватился, всталъ и снялъ шапку. Всѣ братья уже держали руки „по швамъ“. Въ нашу камеру пожаловали: товарищъ прокурора, начальникъ тюрьмы и его два помощника.

— Кто вы? За что взяты? Куда слѣдуете?—любезно спрашивалъ прокуроръ.

На нашъ вопросъ, долго ли еще насъ будутъ держать здѣсь, отвѣчалъ.

— Это трудно сказать. Теперь порядокъ этаповъ нарушенъ... Гмъ, да,—обратился онъ къ начальнику,—у васъ тутъ не особенно сухо,—и онъ указалъ на мокрый потолокъ и стѣны.

— Да, знаете, зданіе новое, замерзло, хотя и топимъ, но испаренія и прочее...—объяснялъ начальникъ.

Мы попросили разрѣшить намъ баню, прогулки, писать письма. Онъ обѣщалъ и, кланяясь, замѣтилъ:

— Вообще будетъ сдѣлано все возможное.

— До свиданія,—проводили мы гостей.

Какъ немного нужно человеку! Нѣсколько любезныхъ словъ, человѣческое отношеніе и вниманіе оживило насъ и ободрило застывшее сознаніе.

Все чаще стало чесаться тѣло. Произвели „рекогносцировку“ и на бѣльѣ открыли нѣсколько громадныхъ мерзкихъ паразитовъ—вшей. Откуда сие? И нашли, что это „добро“ во множествѣ притаилось въ брезентныхъ подстилкахъ. Смущаясь другъ друга, произвели чистку, но вскорѣ появились новые отряды врага, и въ послѣдующіе дни уже „шукали“ мы регулярно утромъ и вечеромъ. Пробовали нѣкоторые братья мѣнять бѣлье, но—на чистое насѣкомые ползли еще больше. И вызывающая брезгливость работа скоро вошла въ привычку. Одинъ изъ братьевъ—имя его извѣстно небу—побилъ рекордъ: за одинъ разъ собралъ восемьдесятъ три. До сей же поры не зналъ, каковы онъ изъ себя. Вѣкъ живи, вѣкъ учись!..

Вскорѣ насъ пригласили въ баню, гдѣ горячей водѣ было оказано должное вниманіе. Начали также усиленно топить стоявшую въ углу, точно наказанную, равнодушную печь и, къ всеобщему удивленію, въ одномъ мѣстѣ проявилось тепло. Воздухъ немного согрѣлся, окна оттаяли, но ночью вся братія угорѣла; пришлось открыть форточку и проститься съ тепломъ. Дня два потомъ болѣли головы.

Еврей-торговецъ соблюдалъ законъ и не прикасался къ тюремнымъ блюдамъ; питался исключительно хлѣбомъ и чаемъ. И такихъ правовѣрныхъ встрѣчалось нѣсколько. Повернувшись къ стѣнѣ старикъ подолгу молился, раскачиваясь изъ стороны въ сторону. Газдобывъ открытку, онъ попросилъ написать его семьѣ:

— Что я живъ и молюсь Богу, чтобы Онъ вернулъ меня до дѣтокъ,—диктовалъ онъ, вытирая накатившіяся слезы.

— Ахъ, это война, война!—качалъ еврей головой.—Какая это ужасный штука, скажу я вамъ. Даже меня, бѣднаго жида, забрали съ лавочки и везутъ куда-то!..

Въ воскресенье въ нашу камеру впустили еще двухъ этапниковъ. Одинъ, политический, шелъ въ Симферополь на выѣздку по приговору суда. Въ

бесѣдѣ всесторонне освѣтили ему значеніе и суть истиннаго христіанства, основаннаго на Евангеліи и значеніе жертвы Христа. Во время пѣнія онъ подтягивалъ теноркомъ. Другой оказался австрійскимъ подданнымъ изъ Буковины, докторъ правъ Адельсбергеръ, захваченный заложникомъ и теперь высылаемый по нашей стезѣ. Онъ присоединился къ намъ и дѣлилъ вмѣстѣ все горести и радости этапнаго шествія. Говорилъ по-нѣмецки и поукраински, такъ что общеніе было доступно...

Но вотъ и долгожданный вторникъ. Еще одинъ день канетъ въ вѣчность и тогда — прости, прощай Курскій ледникъ!.. Помятыя и загрязненныя вещи подверглись усердной и длительной чисткѣ и ремонту. Щетка и иголка старались на перебой. Мысли уже попали въ полонъ новаго пути, а сердце радовалось, что такое испытаніе не подорвало въ корнѣ здоровье и ноги еще не потеряли способность двигаться. Лишь бы ѣхать дальше, а тамъ ужъ оправимся, подлѣчимся! Послѣднихъ нѣскольکو ночей Л. Назаренко совсѣмъ не ложился и спалъ, сидя на скамьѣ, которую добылъ съ особаго разрѣшенія начальства; застудивъ плечо, онъ боялся холоднаго пола.

Прошла повѣрка; темница погрузилась въ сонъ. До желаннаго вызова на этапъ оставалось еще нѣсколько часовъ. Ждали больше, меньше подождемъ! Нѣкоторые прилегли на упакованный багажъ, остальные ходили, о чемъ то думая... Но вотъ въ коридоръ послышались голоса, кашель и лязгъ наручниковъ. И въ полночь раздался крикъ:

— Конвой пришелъ!

— Забирай вещи, выходи! — ангеломъ пропѣлъ надзиратель дорогія слова.

Бодрые, веселые, мы, улыбаясь и толкаясь, высыпали въ коридоръ и смѣшались съ остальными, такими же радостными и нетерпѣливыми странниками. Казалось, что ужъ очень медленно вызываютъ по спискамъ, кажется, можно было бы немножко побыстрѣе!.. „Здѣсь!“ „тутъ!“ „есть!“ — отзывались счастливчики, а остальные вытягивали шеи, ожидая услышать каждый свое имя. Наша масса таяла, точно снѣговая гора подъ лучами ласковаго солнышка; но, растаявъ на половину, — остановилась. „Господинъ старшій“ собралъ свои бумаги и всталъ изъ-за стола.

— А вы чего стоите? Вамъ куда? — обратился онъ къ намъ.

— Какъ куда? На Сибирь!

— На Сибирь, — протянулъ онъ. — Эге, придется вамъ подождать.

— Почему? Не можетъ быть, — не хотѣли мы вѣрить, чувствуя какъ ясное солнышко радости закатывается и въ груди становится холодно.

— Да, придется подождать. На Сибирь отмѣнены этапы. Теперь перевозятъ войска, — объяснилъ солдатъ.

Ахъ, эта проклятая война, опять ударила по незажившей ранѣ! А мы, было, пожелали „леднику“ быть пустымъ во все дни до скончанія вѣка! Стало жутко и нехорошо на сердцѣ.

— Заходи въ камеру! — уже злымъ недругомъ зарычалъ голосъ того же надзирателя.

И побрели обиженные, сразу ослабѣвшіе, лишніе люди въ сырой, грязный, мокрый, холодный, вонючій, инквизиціонный, русскій застѣнокъ, влача за собою котомки. Бросили вещи на полъ и усталые опустились на нихъ. Еврей, нѣмецъ и политическій ушли на этапъ, но вмѣсто ихъ, въ камеру вошли три мальчика-добровольца, которыхъ по этапу съ войны возвращали на родину. Бѣдные патріоты уткнулись въ уголъ и горько по-

дѣтски рыдали. Гдѣ то ты, нѣжная, материнская рука, чтобы осушить эти слезы! У насъ не было словъ для утѣшенія...

Когда теперь путь освободится? Выдержимъ ли мы въ этомъ холодѣ? О, война, война, какая ты злая штука! Чрево твое ненасытное съ того дня, какъ Каинъ поднялъ руку на брата своего Авеля...

Но въ смущенномъ сердцѣ уже шепталъ тихій голосъ: Не заботьтесь ни о чемъ, но *всегда*, всегда, всегда въ молитвѣ и прошеніи съ благодареніемъ открывайте свои желанія предъ Богомъ! Вѣрующій призванъ въ жизни: *все* заботы возложить на Господа, *всегда* молиться и *за все* благодарить. Смертная тѣнь падала на душу нашу, но въ затихшей груди уже загоралась надежда, крѣпла вѣра и несла въ молитва къ Тому, Кто сказалъ: „Я знаю скорби ихъ“...

Озлобленные страданіями окружавшіе насъ узники сквернословили. Весь обликъ ихъ говорилъ о томъ, какъ горька капля горя людскаго! Но если эти капли жгучія собрать вмѣстѣ со всего міра? Ужъ ни оттого ли въ моряхъ вода горько-соленая?!

(Продолженіе слѣдуетъ)

Михаилъ Тимошенко.

По Россіи.

Неотложная задача.

(Анкета).

Каждый день современной жизни выдвигаетъ все новые и новые вопросы, которые требуютъ неотложнаго, яснаго и опредѣленнаго отвѣта.

Въ Редакцію „Слова Истины“ за послѣднее время поступило нѣсколько запросовъ объ отношеніи вѣрующихъ къ всевозможнымъ общественнымъ организаціямъ и политическимъ партіямъ. Мы пока воздерживаемся отъ отвѣта и предлагаемъ нашимъ читателямъ отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: *могутъ ли вѣрующіе состоять членами партій социаль-революціонеръ, социаль-демократовъ и др. политическихъ организацій, и не противорѣчитъ ли все это духу и ученію Слова Божія?*

Отвѣты просимъ направлять по адресу: Редакція жур. „Слово Истины“, Москва, Покровка, Дегтярный, 8, кв. 143.

Ко всемъ вѣрующимъ юношамъ Россіи.

Правленіе Союза баптистовъ предложило намъ взять на себя инициативу по устройству съѣзда руководителей юношескихъ кружковъ, исходя изъ сознанія необходимости, чтобы все юношескіе кружки въ Россіи были бы также объединены въ одно цѣлое.

Съѣздъ юношей не собирался съ 1909 года. За это время многое перемѣнилось и въ жизни кружковъ явились новые совмѣстно еще необсужденные и неотвѣченные вопросы, намѣтились новые пути и теченія. Какъ ни желателенъ и ни современенъ былъ бы поэтому съѣздъ, но по обстоятельствамъ переживаемаго времени намъ созывъ его представляется въ настоящее время не осуществимымъ

по цѣлому ряду затрудненій, къ которымъ нужно отнести, главнымъ образомъ, невозможные способы сообщеній и отвлеченіе большинства молодыхъ силъ на фронтъ. Мы, все таки, не хотимъ сами отрицательно рѣшить вопросъ о его созывѣ при данныхъ обстоятельствахъ и поэтому обращаемся ко всѣмъ дѣятелямъ юношескихъ кружковъ съ просьбой высказаться путемъ отвѣтовъ въ редакцію „Слово Истины“ на этотъ счетъ.

Но тѣмъ не менѣе, внѣ зависимости отъ того, какой результатъ далъ бы этотъ опросъ, мы считаемъ необходимымъ теперь же предложить намѣтить рядъ вопросовъ, которыми долженъ будетъ заниматься будущій съѣздъ и теперь же высказать по каждому изъ нихъ свое мнѣніе. Вопросы эти послужили бы программой съѣзда, если бы онъ состоялся въ ближайшее время, и, наоборотъ, если бы большинство высказалось за отсрочку его—освѣщеніе всѣхъ этихъ вопросовъ послужило бы выраженіемъ господствующихъ среди юношей взглядовъ и дало бы на страницахъ печати возможность обмѣняться мнѣніями по волнующимъ ихъ вопросамъ, и сдѣлать отсюда нѣкоторые обобщающіе выводы.

Главные эти вопросы слѣдующія:

1. Признается ли польза существованія юношескихъ кружковъ для дѣла Божьяго 1) самими юношами, 2) церковью или руководящими братьями, какъ выразителями ея мнѣній и настроеній.

2) Существуютъ ли мирныя отношенія между общинами и кружками и, если нѣтъ, то чѣмъ онѣ вызываются и на какой почвѣ происходятъ.

3. Какая зависимость должна существовать у юношескихъ кружковъ отъ общины.

4. Считается ли допустимымъ, чтобы юношескіе кружки существовали на вполнѣ независимыхъ отъ общины началахъ.

5. Изъ какихъ функцій (обязанностей) должна слагаться дѣятельность юношескихъ кружковъ.

6. Распространяется ли дѣятельность юн. кружковъ только на молодежь или же и на болѣе пожилой возрастъ.

7. Могутъ ли юношескіе кружки держать свои призывныя общія собранія помимо устраиваемыхъ общиной.

8. Должны ли быть кружки смѣшанные (юноши и дѣвицы собираются вмѣстѣ) или раздѣльные.

9. Должны ли юношескія собранія имѣть строгую форму богослужебныхъ собраній или же носить характеръ бесѣды, чтенія полезныхъ книгъ, за чашкой чая и т. д.

10. Не полезно ли юношамъ обоихъ теченій т. е. евангельскимъ христіанамъ и баптистамъ имѣть одну общую организацію и тѣмъ самымъ содѣйствовать сближенію обоихъ отраслей евангельскаго движенія.

11. Какова должна быть организація юношескихъ кружковъ и изъ какихъ источниковъ должны черпаться матеріальныя средства.

12. Необходимо ли преодолѣть всѣ ожидающіяся препятствія и созвать юношескій съѣздъ теперь же или же рекомендуется его отложить до болѣе благопріятнаго момента.

При отвѣтѣ просимъ имѣть въ виду слѣдующее:

Нѣтъ надобности отвѣчать обязательно на всѣ вопросы. Достаточно отвѣтить на нѣкоторые, но исчерпать ихъ до конца, давъ отвѣты хотя бы въ видѣ особыхъ докладовъ, которые въ послѣдствіи могутъ быть собраны въ цѣлое, какъ матеріалы для будущаго съѣзда.

Отвѣтъ на каждый вопросъ долженъ быть изложенъ на отдѣльномъ листкѣ.

Всѣ отвѣты направлять въ редакцію „Слово Истины“ съ помѣткой: къ анкетѣ „юношескіе кружки“, по адресу: Москва, Покровка, Дегтярный пер. 8. кв. 143.

Съ братскимъ привѣтомъ

члены Правленія: **П. В. Павловъ.**
М. Д. Тимошенко.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

— На посылку журнала „Слово Истина“ бѣднымъ въ редакцію поступило пожертвованій: отъ *В. П. Михайлова*—5 р. и бр. *Прокофьева*—3 р. Кіевской общины баптистовъ—100 р., бр. *В. Ф. Мамонтова*—3 р. Сердечно благодаримъ за дружескую поддержку и надѣмся, что эти лепты не останутся одинокими!

— *Христ. Кружку молодежи въ Омскѣ.* Въ вашемъ письмѣ Вы пишете: „Дѣлайте все съ вѣрою, нисколько не сомнѣваясь и уповайте на Господа. Онъ совершитъ“. Благодаримъ за совѣтъ. Мы и возобновили изданіе журнала въ надеждѣ на щедрое благословеніе слыше. Но мы находимъ, что благословеніе Божіе въ дѣлѣ распространенія христіанской литературы можетъ проявиться только чрезъ посредство нашихъ друзей. Кромѣ матеріальныхъ затрудненій всякаго рода, намъ приходится еще считаться и съ равнодушіемъ къ печатному слову, которое толстымъ слоемъ покрыло сердца многихъ вѣрующихъ. Расчистить это холодное невниманіе и равнодушіе можно только при дружной поддержкѣ заинтересованныхъ въ распространеніи вѣчныхъ истинъ и чрезъ печать. По этому Ваше обѣщаніе „хлопотать по распространенію журнала“—весьма пріятно намъ. Мы считаемъ, что для успешнаго распространенія журнала необходимо: 1) предлагать настойчиво подписаться на журналъ всѣмъ, любящимъ чтеніе. 2) Давать журналъ для чтенія лишь тѣмъ, кто не въ состояніи выписать себѣ. Всѣмъ же, имѣющимъ возможность выписать таковой хотя бы въ разсрочку, нужно внушать, что, пользуясь безвозмездно журналомъ, они этимъ похищаютъ у издателей журнала подписную плату. Конечно, мы здѣсь говоримъ лишь о тѣхъ любителяхъ чтенія, которые постоянно прибѣгаютъ къ такому способу. 3) Кромѣ подписной платы, необходимо устраивать продажу журнала при книжныхъ шкафахъ въ общинахъ и въ розницу. Это легко сдѣлать. Книжный шкафъ пользуется извѣстной уступкой, причемъ непроданные номера можно потомъ возвратитъ по соглашенію съ конторой журнала, т. ч. розничная продажа происходитъ безъ риска для продающихъ. Надѣмся, наши пожеланія найдутъ живой откликъ какъ въ вашемъ кружкѣ, такъ и среди всѣхъ нашихъ друзей. Просимъ у Бога силъ для васъ.

БИБЛІОТЕКА ИЗДАТЕЛЬСТВА „Слово Истины“.

1. **М. ТИМОШЕНКО.**

Въ Нарымскій Край. (печатается).

2. **В. Г. ПАВЛОВЪ.**

Отдѣленіе церкви отъ государства.
(Цѣна 25 к.).

3. **М. ТИМОШЕНКО. Братолюбіе.** (Цѣна 10 к.).

Родители и дѣти. (Цѣна 5 к.).

Въ этой брошюрѣ родители найдутъ хорошіе совѣты, какъ воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ.

На заказы 25, 50, 100 и болѣе экз.—дѣлается скидка.

Съ заказами прясятъ обращаться по адресу:

Москва, Покровка, Дегтярный пер., д. 8, кв. 143.
Редакція журнала „СЛОВО ИСТИНЫ“.